

И. В. Котляров

СОЦИОЛОГИЯ ЛИДЕРСТВА

теоретические,
методологические
и аксиологические
аспекты

Объектом социологического
познания является лидерство как
феномен сложнейших
общественных отношений

Игорь Котляров

**Социология лидерства.
Теоретические, методологические
и аксиологические аспекты**

«Издательский дом “Белорусская наука”»

2013

Котляров И. В.

Социология лидерства. Теоретические, методологические и аксиологические аспекты / И. В. Котляров — «Издательский дом “Белорусская наука”», 2013

В монографии раскрыты основные теоретические, методологические и аксиологические аспекты лидерства, по результатам многолетнего социологического мониторинга проанализировано отношение жителей Беларуси к основным политическим процессам и лидерам независимого белорусского государства. Предназначена для студентов и аспирантов высших учебных заведений, специализирующихся в социологии, политической социологии и политологии, для практиков, занимающихся проблемами социологии лидерства, и для всех, кто интересуется вопросами политики.

© Котляров И. В., 2013

© Издательский дом “Белорусская наука”, 2013

Содержание

Введение	6
Глава 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Игорь Васильевич Котляров
Социология лидерства.
Теоретические, методологические
и аксиологические аспекты

Р е ц е н з е н т ы:

доктор политических наук, профессор Л. Е. Земляков,
доктор социологических наук, профессор В. А. Клименко,
доктор философских наук, профессор Л. Е. Криштапович

Введение

В последнее время мир оказался в достаточно сложной ситуации. В XXI в. по миру начал бродить, как во времена К. Маркса, призрак глобальных изменений. Волна мирового кризиса захлестывает страну за страной. Сначала кризис называли финансовым, потом экономическим, а сейчас все больше исследователей и практиков, политиков и ученых стали понимать, что это более всеобъемлющий кризис. Это глобальный мировоззренческий кризис. Финансово-экономический кризис отрицательно сказался на экономике многих государств, резко возросла безработица, тысячи людей оказались на улицах. Как оказалось, современным миром управляет небольшая группа компаний и банков, которая никогда не даст себя в обиду. Олигархи и банкиры владеют львиной долей мирового «экономического пирога». Остальному человечеству от него остались лишь крохи. Люди начинают понимать, что в современном обществе надо очень многое менять.

В результате весь мир захлестнула волна протеста. На улицы ранее более-менее спокойных Нью-Йорка, Рима, Стокгольма, Токио, Парижа вышли тысячи демонстрантов. Бурлят Греция, Испания, Португалия. Люди требуют работы, достойной жизни, но самое главное, справедливости. Им не понятно, почему человек, который не проработал ни одного дня, имеет яхты, виллы, огромные банковские счета, покупает футбольные команды, а рабочий, который трудится всю жизнь по двенадцать часов в день, не имеет ничего. Все больше людей выражает тревогу по поводу растущего расслоения общества. Протестующих возмущает отсутствие экономических возможностей и реального права участвовать в принятии политических решений. Народ требует, чтобы тот, кто породил мировой финансово-экономический кризис, ответил за это. Его поражает неспособность руководителей государств распределить между гражданами решение проблем более справедливым образом. Многие люди прекрасно поняли, что в современном глубоко индивидуализированном и зомбированном мире нельзя жить в мобильной и сетевой паутине, оставаться один на один с зомбоящиком иллюзий и сериалов. Надо думать, анализировать, объединяться и выходить на площади и улицы – будь-то Пуэрта дель Соль, Зукотти-парк, Уолл-стрит или Тахрир.

В современном обществе происходит смена приоритетов и парадигм развития. Об этом еще в 2006 г. в статье «Последний суверен на распутье» писал Збигнев Бжезинский: «Соединенным Штатам следует взглянуть в глаза новой и чрезвычайно важной реальности. В мире происходит беспрецедентное по масштабу и интенсивности пробуждение политической активности» [53].

«Не будет преувеличением сказать, – предупреждал патриарх американской политики, – что в XXI веке население большей части развивающегося мира пробуждается к политической активности и во многих странах это выливается в волнения и беспорядки. Жители развивающихся стран остро сознают вопиющую социальную несправедливость, нередко выступая с гневными протестами против тех действий, которые воспринимаются ими как политическое унижение. Информация о положении дел в мире, получаемая посредством радио, телевидения и во все большей степени Интернета, дает представление о положении дел в мире, порождает в обществе зависть, которую политические демагоги и религиозные фанатики используют в своих целях. Энергия возбужденных масс преодолевает границы и бросает вызов ныне существующим государствам и всей мировой иерархии во главе с США» [53].

Имеются определенные трудности и в нашей стране. Резко возросли цены, упала реальная заработная плата, выросли стоимости доллара и евро, произошла девальвация белорусской валюты, снизилась уверенность в завтрашнем дне и доверие к власти. Многие граждане Беларуси спрашивают: «Что делать, чтобы завтра жить лучше, чем сегодня?»

На большинство вопросов, которые задает сегодня жизнь, способна ответить гуманитарная наука, прежде всего социология. По своему составу любое общество неоднородно. Различные его слои отличаются друг от друга уровнем дохода и образования, большей или меньшей степенью участия во властных отношениях, религиозной принадлежностью, полом, профессией, притязаниями и т. д. Каждая социальная группа имеет свои ценности, интересы, потребности. Социология ближе всех находится к людям. Каждому человеку важно знать место, с которого начинается движение к лучшему будущему, точку отсчета, с которой уже нельзя повернуть назад, направление, куда и зачем двигаться. Людям необходимо уяснить цели и ценности, заслуживающие того, чтобы их защищать и за них бороться, предвидеть по крайней мере контуры будущего. «Средняя температура по больнице», которую очень часто критикуют политики и журналисты, помогает ответить на важный для каждого человека вопрос: «А болеет ли общество в целом?» На него может ответить социология. Только она способна предложить человеческое измерение общественного состояния и развития. В этом отношении эмпирические параметры, выявленные социологами, не способна заменить ни статистика, ни оперативная информация, получаемая из любых других источников.

Социология предлагает концептуальные модели для осмысления социальной действительности и порождаемых ею проблем, обеспечивает обратную связь между самыми различными субъектами и структурами, снабжает их достоверной информацией. И, что очень важно, она изучает общественное мнение, реакцию различных социальных слоев и групп на происходящие в стране и за ее пределами явления и процессы, на принятые управленческие решения, на любые политические движения. На Западе и Востоке социология – достаточно престижная наука, способная ответить на многие вопросы и помочь властным структурам решать многочисленные проблемы. Ее изучают во многих университетах, развивают во всемирно известных корпорациях. В нашей стране известный телеведущий во время популярного телешоу заявил на всю страну: «А что знает ваша социология?» Комментарии, как говорится, излишни.

В условиях неопределенности и постоянных рисков, нехватки ресурсов – материальных и духовных, быстрого устаревания информации, нестабильности и непрерывных перемен на первый план выходят лидерские компетенции политических и социальных субъектов. В современных условиях от решений, принимаемых лидерами, зависит политическое и экономическое состояние общества, трудовых коллективов, благосостояние миллионов людей. В постсоветских государствах, где развитие общества в целом, отдельных его сфер, как никогда ранее зависит от уровня профессионализма и подготовки, личностных качеств и морального состояния лидеров всех уровней – от президента страны до руководителя небольшой фабрики, капитана футбольной или баскетбольной команды. В настоящее время сложилась такая ситуация, когда без признанных лидеров не может эффективно работать ни коммерческая, ни политическая, ни любая другая структура. В то же время мало кто из общественных субъектов может четко обозначить реальный процесс формирования лидерства, регулируемый строго очерченным набором смыслов и правовых норм, общепринятых ценностных ориентаций и неформальных правил.

Лидерство на протяжении многих веков играло значительную роль в жизнедеятельности отдельных индивидов и государств. Исследователи отмечают значительный вклад выдающихся личностей – вождей, государей, политиков, деятелей науки и культуры – в развитие социумов. Отношения лидерства, глубинные причины этого универсального явления интересовали мыслителей еще в древние времена. Все философские и политические школы так или иначе изучали эту важную проблему. Начиная с библейских сюжетов, анализировались стили лидеров, их влияние на своих последователей, рассматривались личностные качества, поведение в кризисных ситуациях, оценивались последствия деятельности, давались моральные и правовые оценки, конкретные рекомендации в стиле Заратустры, необходимые для успешной реализации сильными мира своих лидерских функций.

Новая волна интереса к этой проблеме связана с началом систематического научного исследования лидерства в начале XX в. В центре его находилась идея, что «хорошее» лидерство, стиль и способы осуществления лидерских функций способны существенно влиять на эффективность деятельности структур различного уровня. Развитие общественных наук создавало фундамент для исследований лидерства. Представители этого направления были убеждены, что идеальный руководитель во всех сферах, во все времена, говоря современным языком, должен владеть навыками и приемами лидерства.

В настоящее время в условиях неопределенности и потенциальных рисков, вызовов и опасностей, бифуркации и турбулентности, резкого повышения социальной и политической активности народных масс интерес к лидерству во многих странах резко возрос. Стали появляться новые модели и концепции, резко увеличилось количество эмпирических исследований. Многие современные теории лидерства достаточно часто противоречат друг другу и не дают исчерпывающих ответов на многие поставленные вопросы. Появились подходы, понимающие лидерство как переплетение различных сфер современного знания, создаются глобальные международные проекты, рассматривающие лидерство в многообразии социокультурных взаимодействий мирового сообщества. В результате многие концепты, используемые для понимания и анализа лидерства, противоречивы, модели несовершенны, а содержание лидерства достаточно часто авторитетные авторы путают с его природой. Имеются случаи полной несопоставимости теорий между собой и несоответствия существующей практике. Особую сложность пониманию лидерства добавляет тот факт, что термин «лидерство» является производным от английского слова «leadership», используемого большинством зарубежных исследователей для обозначения и лидерства, и руководства. Поэтому о каком феномене (лидерстве или руководстве) идет речь в каждом конкретном зарубежном исследовании, читатель издания может судить на основании либо анализа содержания опубликованной работы, либо, что случается гораздо реже, предварительного уточнения автором публикации типа рассматриваемого им лидерства. Например, в случае формального, официального, назначенного лидерства речь идет о руководстве, а в случае возникающего стихийно, неофициально, неформально, заранее никем и ничем не предписанного – о лидерстве в принятом на постсоветском пространстве понимании. Эти подходы очень важно уточнить в исследованиях по социологии лидерства.

Социологическая наука в своем стремлении изучить, проанализировать, постичь существенные факторы и особенности феномена лидерства в определенной степени опирается на теории управления, организаций, психологии, коммуникаций, организационного поведения, что обостряет проблему. Все это свидетельствует о важности и теоретической актуальности разработки теории и практики социологии лидерства.

В настоящее время белорусскому обществу необходимы лидеры всех уровней, способные нейтрализовать негативные кризисные процессы, напряженность в социуме, лидеры, ориентированные на достижение высоких целей во всех сферах общественной жизни во имя белорусского народа. Кроме того, лидеры являются в определенной степени трансляторами целей, ценностных ориентаций и установок для членов любой социальной группы. Исходя из этого, особую актуальность приобретают проблемы, связанные с формированием лидеров, их личностных качеств и ценностных ориентаций, индивидуального лидерского стиля, с раскрытием их потенциальных возможностей.

Способствовать решению этих проблем, по нашему мнению, может социологическое изучение политических лидеров как важных общественных феноменов, как политических субъектов, без которых не может развиваться современное общество.

Социология лидерства – это отрасль социологической науки, изучающая закономерности построения, функционирования, развития и постоянной деятельности лидеров различных уровней во всей сложности и многообразии общественных структур и социальных процессов,

их роли и значения в современной жизни, проблемы формирования социальных элит, их участия во властных отношениях, формирования общественного мнения об их деятельности.

Социология лидерства включает в себя описание фактов, процессов, явлений и результатов и, как любая уважающая себя наука, должна иметь определенный набор параметров, элементов, характеристик. Среди них важнейшее место занимают следующие параметры:

научное исследование рассматриваемых объектов и их основных составных частей;

специфическая методология исследования, опирающаяся на оригинальную исследовательскую парадигму;

собственный категориальный аппарат, отражающий специфику данной науки;

процедуры выработки рабочих гипотез, которые проверяются экспериментальным путем или накопленным опытом;

обобщенные результаты, обычно излагаемые в форме законченных моделей, концепций, теорий.

Объектом социологического познания являются лидерство как единый и сложнейший общественный феномен. Лидеры характеризуются только им присущими системными характеристиками, детерминирующими определенный тип политических отношений. Как объект социологического анализа, лидеры – это исторически сложившиеся в процессе развития внутренне дифференцированные элементы общества и социальной системы, которые активно участвуют в процессах завоевания, использования и удержания политической власти. В центре внимания социологии лидерства всегда находились вопросы влияния лидеров на социальную реальность. В подавляющем большинстве современных государств лидеры активно участвуют в процессах подготовки и реализации управленческих решений различных уровней, что также является предметом анализа данной науки. Особый интерес представляет изучение методов и способов целенаправленного влияния лидеров на объекты воздействия для достижения поставленных целей. Очень мало исследований по проблемам коллективного лидерства, феномена, когда в качестве лидеров выступает группа социальных субъектов. Типичными примерами коллективного лидерства являются политические партии или политические элиты.

Еще одним предметом социологии политических лидеров являются биографии, жизненный путь лидеров. Американский исследователь, один из основателей теории бихевиоризма *Гарольд Лассуэлл* в книге «Психопатология и политика» писал, что политическая наука без биографии подобна таксидермии – науке о набивании чучел [305]. То же можно сказать и о социологии лидерства, которая изучает проблемы формирования и деятельности лидеров различных уровней, их влияния на социальную реальность.

В условиях постоянно изменяющейся социальной и политической реальности, опасностей и рисков, способных изменить социально-политическую ситуацию во многих государствах, к современным лидерам стали предъявляться новые, совсем не такие, как, например, в середине XX в. требования. Лидер должен быстрее других адаптироваться к изменению объективной реальности, к ситуации неопределенности, предложить своим последователям конкретные меры по разрешению имеющихся проблем. В данном случае недостаточно владения конкретным набором личностных качеств. Это наглядно подтверждает кризис лидерства, наблюдаемый во многих современных государствах. Лидерам в настоящее время необходимы более сложные умения, навыки, а также принципиально новое для лидеров качество – мировоззрение, трансформирующееся в жизненную позицию. Отсутствие таковой у целого ряда политических лидеров привело к глобальным катастрофам в Ираке, Ливии, Сирии и других государствах.

В условиях резкого ускорения общественных процессов, но когда скорость мышления людей остается на одном и том же уровне, лидерам должен быть присущ новый способ мышления – видение. В современных социально-политических реалиях настоящим лидером может стать только тот социальный субъект, который на самых ранних этапах зарождения ситуаций

способен увидеть, почувствовать, распознавать негативные тенденции и найти возможности реального их предотвращения.

Современные лидеры – это сложный общественный феномен, который требует тщательного и разностороннего подхода. В его основе должна находиться методология, определяющая направление движения, общие принципы и цели исследования, построение модели и разработку концепции исследований, выбор методики и инструментария, методов и средств деятельности, интерпретацию данных. Так как социология лидерства как самостоятельная наука еще не полностью сформировалась, то от методологического обеспечения исследований во многом зависит дальнейшее ее развитие, конечные результаты исследований и практические рекомендации.

Социология лидерства предполагает широкое исследование поиска, формирования, становления лидеров в социальном и политическом аспектах в комплексе системы внутренних и внешних связей, во взаимосвязи и взаимовлиянии с социальными изменениями и инновациями. Первый подход позволяет сосредоточить особое внимание на имманентном аспекте лидеров как комплексе важнейших социальных и политических отношений. Второй подход позволяет изучить деятельностный аспект лидеров в совокупности с реальной ситуацией, историческим и современным политическим ландшафтом. Сочетание обоих подходов является не только методологическим противоречием, но и компромиссом, который является важным, целесообразным и правильным с содержательной и формальной точек зрения. В рамках данного методологического подхода достаточно эффективно решаются задачи социологии как задачи изучения и обобщения деятельности лидеров всех уровней во взаимосвязи и во взаимовлиянии с общим ходом общественного развития.

За период своего существования социология выработала традиционные подходы и научные принципы изучения различных общественных процессов и явлений. В то же время лидеры – это своеобразный и весьма интересный объект, требующий специфического подхода. Кроме того, в современной науке поиск исследовательских парадигм постоянно продолжается, их многообразие увеличивается с каждым годом, что очень важно. Совершенно ясно, что ни один из современных методов анализа политической и социальной действительности не способен полностью отразить реальность во всех ее проявлениях из-за ее сложности и противоречивости. Поэтому необходимо постоянно продолжать научный поиск новых методологических подходов к исследованию социальных реалий, новых методик изучения общественных структур и явлений в целом, лидеров в частности.

В борьбе разнообразных позиций и мнений вырабатываются новые теории и концепции, модели и матрицы, подходы к анализу социальных и политических явлений, выявляются мало изученные аспекты традиционных проблем, происходит дальнейшее развитие научного знания. В данном исследовании предлагается новая концепция социологического изучения лидеров, их многофакторная, многофункциональная модель, новая социологическая матрица лидерства.

Как и любая современная наука, социология лидерства имеет свой *категориальный аппарат*, свой научный язык, только ей присущий предмет исследований, а ее развитие требует научных инноваций. Одной из важнейших задач данной отрасли социологической науки является развитие понятийного аппарата. Это проблема точности и логичности, последовательности и непротиворечивости социологического знания, образующего целостность и завершенность любой науки. Нарботанное отечественным и зарубежным исследовательским опытом знание должно активно внедряться в повседневную практику изучения лидеров. При своевременной социологической рефлексии это может служить методологическим импульсом в развитии логической определенности понятийного аппарата социологии лидерства.

Благодаря междисциплинарному характеру исследований социология лидерства постоянно использует категории политической социологии и философии, политологии и психо-

логии, ряда других наук. Политическая социология дала социологии лидерства основные методические приемы, методологию и методику социологических исследований. Политология предложила комплекс дефиниций политической системы и политического участия, гражданского общества и плюрализма, гегемонии и демократии, иные категории, описывающие политические феномены, способствующие формированию лидерства в целом, политического в частности. В социологии лидерства данные категории работают в том же значении, что и в политологии, наполняя при этом социологию лидерства собственным содержанием. Философия внесла свой вклад в становление социологии лидерства, снабдив ее наиболее общими теоретическими понятиями. *Психология лидерства* изучает цели и задачи социальных общностей, основные факторы, детерминирующие, кто станет их лидерами и какой стиль лидерства окажется наиболее эффективным для достижения, использования и удержания власти.

В то же время, несмотря на достаточно большое количество исследований, в современной науке нет общепринятого определения лидера и лидерства, отсутствует и единство подходов к пониманию их сущности и характерных признаков. В современной науке насчитываются сотни, если не тысячи определений дефиниции «лидер» и «лидерство».

В современных условиях глобализации, рисков и неопределенности как никогда ранее актуален социологический анализ места, роли и влияния *лидеров* как важнейших субъектов социальных процессов, существенно влияющих на развитие социальных систем различных уровней, государств и обществ. В свою очередь, формирование и становление лидеров в целом, политических в частности, во многом зависит от личностной культуры социальных субъектов до правовой регламентации их деятельности со стороны государства, особенностей избирательной и политической систем общества.

Сложность заключается еще и в том, что проблемами лидерства в нашей стране практически не занимались. Иногда, да и то очень редко, изучалось лидерство на уровне малых групп. По-другому в принципе и быть не могло. Разве мог обладать существенным политическим авторитетом (важнейшим атрибутом политического лидерства) и всенародной любовью престарелый политик, не способный правильно выговаривать слова, или не совсем грамотный руководитель, стучавший ботинком по трибуне ООН. Тем более, что этих руководителей не избирали всем народом, а назначали кучкой таких же престарелых политиков. Первое исследование политического лидерства было проведено группой социологов под руководством автора этой работы в конце 90-х годов XX в. Необходимо строго научное изучение причин «размытости» института политических лидеров в структуре белорусского общества, проявляющейся в отсутствии интересных и эффективных политических лидеров прежде всего среднего уровня.

Очень важно в рамках социологии лидерства выявить закономерности формирования и институционализации политических лидеров, их влияния на процессы построения сильной, процветающей и независимой Беларуси, социологическое изучение особенностей развития политических лидеров; анализ их перспектив, роли в процессе становления белорусской государственности и национального гражданского общества в условиях глобальных опасностей, угроз и рисков.

Одной из важнейших задач социологии лидерства является построение их *многомерной социологической модели*, в которой следует отразить наиболее важные, системообразующие, основополагающие параметры и характеристики лидеров всех уровней. Но особенно интересна *социологическая модель* политических лидеров. Причем она должна отображать в формализованном виде гипотетические представления о политической лидере как социологическом субъекте политических процессов, что требует принципиально иной структуры понятий, других параметров и характеристик, специфического аппарата исследования, обладающего адекватным аналитическим и прогностическим потенциалом. Принципиально новым словом в социологической науке станет создание социологической матрицы лидерства.

Анализ роли и места социологии лидерства в общественном развитии, ее объекта и предмета указывает на то, что она находится в центре внимания представителей различных отраслей современного знания и действующих политиков. При этом очень важно обеспечить интеграцию конструктивных концепций и моделей, методов и подходов, эффективных научных решений и общественной практики. Это даст толчок более быстрому развитию теории социологии лидерства.

Глава 1

Тысячелетия в поиске героев: взгляд в прошлое

На формирование теоретических и прикладных основ современного лидерства огромное влияние оказали труды многих выдающихся философов, социологов, историков, психологов, других мыслителей, составивших классику социально-политической и философской мысли. В первую очередь это исследования политико-философского направления, где аспекты лидерства рассматривались в контексте познания природы и личности, политики и общества, власти и государства, а также работы по социологическому, философскому, историческому, педагогическому и историографическому анализу роли выдающихся людей в истории. Ретроспективный анализ трудов классиков показывает, что в различные исторические эпохи лидерство воспринималось совершенно по-разному.

Можно предложить несколько важнейших социологических моделей людей, оказывавших существенное влияние на ход исторических событий, имеющих огромный авторитет, словом будивших умы, бывших всегда впереди, личным поведением показывающих пример в сложных исторических периодах или конкретных жизненных ситуациях. Сегодня их называют лидерами. Однако в разных странах в разных исторических эпохах их называли по-разному – старейшины или вожди племен; деспоты, правители или государи; герои; мыслители или философы, общественные лидеры античных городов-полисов, предводители народных масс. В зависимости от плоскости исследования можно предложить и другие подходы. В данной работе мы будем рассматривать лидеров в генезисе исторического развития – от шаманов, правителей, античных героев до современных политиков. Тем более, что их определения по многим параметрам совпадают.

Сравним, например, две дефиниции – «герой» и «лидер». В «Толковом словаре русского языка» *С. И. Ожегова* герой – это человек, совершающий подвиги, необычный по своей храбрости, доблести, самоотверженности главное действующее лицо литературного произведения; человек, воплощающий в себе черты эпохи, среды; тот, кто привлек к себе внимание (тот, кто вызывает восхищение, подражание, удивление) [406].

В «Большом толковом словаре современного русского языка» *Д. Н. Ушакова* герой – это исключительный по смелости или по своим доблестям человек, выделившийся своей храбростью на войне; в теориях некоторых буржуазных социологов – выдающаяся личность как сила, направляющая исторический процесс; главное действующее лицо древних эпических поэм и мифов, одаренное сверхчеловеческими силами (ист. лит.). Ахилл был героем древних греков. Парсифаль – герой легенды о Граале; лицо, привлекающее к себе общее внимание в течение известного времени; главное действующее лицо литературного произведения [68].

Практически все основные характеристики героев, кроме разве что весьма специфического, – «главное действующее лицо литературного произведения» – применимы к дефиниции «лидер» в нынешнем понимании этого слова. Современные лидеры, как правило, выдающиеся личности, оказывающие существенное влияние на развитие общественных процессов. Это люди, привлекающие к себе внимание в течение определенного времени, причем во многих случаях, достаточно долго. Это политические акторы, воплощающие в себе черты эпохи или среды. Кроме того, формируя в себе архетип героя, лидер становится сильнее, мужественнее, привлекательнее.

Сегодня так же можно встретить сравнение лидеров с героями. Американский исследователь *Юджин Дженингс* делит лидеров на «суперменов», «героев» и «принцев». «Суперменом» он называет великого человека, который ломает старые порядки, создает новые ценности, «героем» – лидера, посвятившего себя значительным и благородным целям. А «принц» –

лидер, деятельность которого мотивируется главным образом стремлением господствовать над другими людьми, любыми путями добиваться власти [цит. по: 27, с. 117].

Таким образом, можно сделать вывод, что существует глубокая связь между дефинициями «герой» и «лидер». Не каждый герой может быть лидером, но каждый лидер в определенном смысле является героем. Для понимания глубинного смысла, использования лучших качеств героев и лидеров в повседневной жизни, важно постоянно анализировать их взаимосвязь и взаимовлияние друг на друга, учиться на их примерах.

Первые дошедшие до современных исследователей серьезные источники, свидетельствующие о важной роли правителей в жизни государства и общества, содержании и задачах их деятельности, относятся к I тыс. до н. э. Древняя история – это эра выдающихся людей и событий, в которой существовал культ сильных и мужественных людей, культ сильной власти. Выдающиеся мыслители *Артхашастра*, *Заратустра*, *Чанакья (Каутилья)*, *Хаммурапи* с разных сторон, под разными углами внимательно изучали самоотверженную деятельность *Махавиры*, *Кришны*, *Шивы*, *Будды*, *Моисея*, *Иисуса Христа*, *Мухаммеда*, других пророков, которые пришли в этот мир для того, чтобы сделать людей счастливыми, открыть им истину, заложить нравственные основы многих религий и культур. Именно античные мыслители *Плутарх*, *Перикл*, *Гомер*, *Пифагор*, *Гераклит*, *Геродот*, *Демокрит*, *Протагор* впервые, используя накопленные опыт и знания, стали рассматривать историю как результат деятельности необыкновенных личностей – героев [25; 117; 451].

Дефиниция «герой» пришла в современное миропонимание из Древней Греции. Первоначально эллины называли героями легендарных вождей, обитавших на вершине горы Олимп. Позднее героями стали называть прославленных в битвах, походах и войнах военачальников и рядовых воинов, которые отличались смелостью, доблестью, самоотверженностью ради общего дела. Герой объединял вокруг себя тех, кто уважал и признавал его, стремился быть похожим на него и готов пойти за ним в трудные минуты. Он своим примером предлагал конкретные решения, выход из тяжелой, экстремальной ситуации и являлся катализатором для дальнейших действий. Таким образом, героическая система ценностей становилась комплексом норм не для одного человека, а конкретной совокупности людей. Это приводило к тому, что наряду с индивидуальным проявлением героизма, возникало такое явление, как коллективный героизм, где коллектив выступал единым целым и совершал великие подвиги во имя великих целей. Типичный пример – 300 героев-спартанцев. В сентябре 480 г. до н. э. во время сражения греко-персидской войны в узком ущелье Фермопилы, преграждая путь персидскому войску царя Ксеркса, героически сражался и погиб отряд из 300 спартанских воинов-гоплитов под руководством царя Леонида. «Вместе победить или вместе умереть!» – таков закон спартанских воинов. Они победили и умерли. Сражение у Фермопил стало символом настоящего мужества и героизма.

Философы *Платон*, *Аристотель*, *Сократ*, *Лукреций*, *Цицерон* и другие в своих трудах закрепили традиции своих предшественников по изучению героев, их дел, подвигов, личностных характеристик [21; 22; 445; 603; 604]. Эта дефиниция ими была дополнена и расширена. В нее вошли вожди племен, полководцы, короли, военачальники и что очень важно, философы, которых считали настоящими лидерами и творцами истории. Авторитет мыслителей существенно вырос. Они стали принимать активное участие в формировании новых героев, мыслителей, лидеров. Аристотель был учителем Александра Македонского, за что Александр, став императором, поставил своему наставнику памятник с надписью: «Александр поставил этот памятник сыну Никомаха, мудрому божественному Аристотелю». Через Академию Платона прошли многие великие люди. Он потратил много сил, пытаясь превратить тиранов Дионисия Старшего и его сына Дионисия Младшего, правивших в V в. до н. э. в Сиракузах, в мудрых правителей. Известный китайский мудрец Конфуций имел более трех тысяч учеников, среди них были знаковые для Китая фигуры.

Причем практически все мыслители того времени рассматривали лидерство как комплекс выдающихся личностных черт. Они обратили особое внимание на способности лидеров быть лучшими среди других, решать многочисленные проблемы, оказывать решающее воздействие на те или иные события, эффективно управлять действиями людей. Причем, как утверждал Платон, умение управлять людьми, это одно из сложнейших и самых труднодостижимых умений [445].

Первоначальные социально-политические учения древних египтян, китайцев, индусов, греков, римлян и других народов, касающиеся управления, были частью мифологического мировоззрения и носили *религиозно-мифологический* характер. Отход от этих представлений к более рациональному взгляду на мир наметился в VIII–VI вв. до н. э. Отдельные элементы новой системы социально-политических воззрений сформировались в странах Древнего Востока – Египте, Индии, Китае. Особую роль в развитии социально-политических знаний играли учения *Конфуция*, *Мо Цзы*, *Лао Цзы* и легистов в Китае, *Будды* – в Индии, *Заратустры* – в Персии, проповедей еврейских пророков *Иеремии*, *Исаии* – в Палестине, выступлений эпиков, драматургов, мудрецов, софистов и философов – в Греции, юристов – в Риме.

В II–I тыс. до н. э. в дельтах великих рек Нила, Тигра и Евфрата, Инда возникли сильные государства Египет и Шумер, Вавилон и Ассирия. Необходимость постоянной организации ирригационного хозяйства обусловила развитие этих обществ по пути жесточайшей государственной централизации, что привело к созданию политических систем деспотического типа. Китайские философы сформировали основной принцип деспотизма того времени – *деление общества на тех, кто работает, и на тех, кто управляет*. Большое распространение получили патерналистские представления о власти. При этом подчеркивалось, что цель государства – общее благо, государь – отец подданных, которые не могут предъявлять ему какие-либо требования. Монарх был связан только обычаями, традицией. Правителя – императора, короля, царя, султана практически обожествляли. Утверждалось, что он – воплощение воли бога или сам является божеством (полубогом). Правитель ответственен только перед богами, а не перед людьми, но должен быть человеком сильным и морально, и физически, и уметь управлять подданными [131; 132; 261; 453].

Такими способностями, «божиим даром» обладали многие великие люди древности, которые могли повести народ за собой, одним словом, успокоить толпу и управлять ею. Около 4 тыс. лет назад был написан трактат о методах и стиле лидерства «Поучение Птаххотепа», который и сейчас может служить настольной книгой современных политических лидеров. Везир фараона Исеси (V династия), великий мудрец и знаток искусства управления Птаххотеп в последние годы своей жизни, считая, что «никто не рождается знающим», пишет наставление своему сыну, в котором обобщает опыт, накопленный за долгие годы: «Если хочешь, чтобы твои поступки всегда были благородны и надежно защищены от любого зла, берегись плохого настроения, не дай, чтобы оно брало над тобой верх. Это страшная болезнь, порождающая разногласие, а тот, кто ей поддается, уже перестает быть самим собой: она настраивает друг против друга отцов и матерей, братьев и сестер, приводит в ужас жену и мужа, она содержит в себе все проявления злости, злобы и все возможные несправедливые действия. Из всех работ самая трудная – умная речь. Учись и советуйся – ведь нет предела умению, и кто так искусен, чтобы все знать? Не торопись с мыслями... взвесь их последствия. Уважай право просителя облегчить перед тобой свою душу. Не клеветничай и не сплетничай. Поставленный распоряжаться многими людьми, пекись об их благе и стремись к добру. Он бы убежден, что «поставленный распоряжаться многими людьми, пекись об их благе и стремись к добру», «скрывай свои мысли, будь сдержан в речах» [254, с. 236–237; 463].

В Древней Индии эта проблема рассматривалась через призму управления обществом, заключающегося в том, чтобы с помощью *данды* (принуждения, наказания) сохранять и поддерживать *дхарму* (праведное исполнение людьми своих обязанностей). Известный индийский

политический мыслитель того периода *Каутилья* (IV в. до н. э.) обратил особое внимание на три основных вопроса: деятельность и функции мудрого правителя; управление общественными делами и право; война и дипломатия.

Особое внимание правителям, героям, ведущим за собой массы, уделяли древнекитайские мыслители, пытавшиеся создать собирательный образ идеального лидера. Этого требовала политическая реальность. Китай был расколот на множество небольших государств, постоянно враждующих друг с другом. Войны и социальные конфликты внутри наиболее продвинутых в экономическом и военном положении стран наносили огромный ущерб и страдания их жителям, уносили сотни тысяч человеческих жизней. Правители воюющих государств, как правило, не демонстрировали образцы мужества и человечности, мудрости и справедливости, порядочности и воспитанности. Нужен был лидер, который смог бы повести за собой людей, покорить соседей и стать правителем сильного объединенного китайского государства.

О китайских героях рассказывает известная во всем мире книга «Шуцзин» («Книга истории») – древний сборник речей и других исторических материалов, почитаемая в Китае как один из самых ценных классических трудов. Данная работа изображает императора Яо, сфера влияния которого простиралась от Шаньси к югу и востоку, духовным лидером, сильным правителем, наставником, религиозные представления которого связаны с толкованием расположения звезд на небе. На востоке интересы Яо столкнулись с другим героем – правителем по имени Шунь. Шуня во многих древнекитайских источниках называли восточным варваром. Шунь по сравнению с Яо обладал большой властью. В конечном счете последнему пришлось подчиниться. Эта передача полномочий была истолкована как отречение правителя в пользу более достойного лидера, что позднее использовалось в политической истории Китая как законный предлог для захвата власти [208].

Другой известный китайский политический и духовный лидер, премьер-министр государства Ци в период Весны и Осени в китайской истории, один из основателей легизма *Гуань Чжун* считал закон намного выше правителей. Все люди должны быть равны перед законом, должны существовать универсальные принципы управления, одинаковые для всех. И все же, по мнению ряда легистов, существует одно исключение – это сам правитель, создатель законов. Некоторые мысли Гуань Чжуна поражают современных исследователей и политиков своей глубиной и проницательностью. «Правитель и чиновники, высшие и низшие, знатные и подлые – все должны следовать закону. Это и называется великим искусством управления». Гуань Чжун также считал, что благосостояние народа является основой государства. Сытых людей легче образовать, научить приличиям и этикету, им проще повиноваться правителю. Он также выступал за то, что правитель должен заботиться о процветании всех социальных классов, и тогда люди будут готовы служить правителю. Четырьмя столпами государства были порядочность, справедливость, честность и совесть. А правитель должен быть примером и демонстрировать свою силу, основываясь на этих принципах [240].

Китайский мудрец *Лао-цзы*, один из лидеров даосизма, учения, в котором не приветствовались целенаправленные действия по изменению существующей реальности, считал, что лучший правитель (лидер, вождь) – это тот, которого «народ не замечает», на втором месте – тот, которого «народ обожает», на третьем месте – тот, которого «народ боится» и на последнем – тот, кого «ненавидят». Он утверждал: «Там, где великие мудрецы имеют власть, подданные не замечают их существования. Там, где властвуют невеликие мудрецы, народ бывает привязан к ним и хвалит их. Там, где властвуют еще меньшие мудрецы, народ боится их, а там, где еще меньшие, народ их презирает». «Я имею три сокровища, которыми дорожу: первое – это человеколюбие, второе – бережливость, а третье состоит в том, что я не смею быть впереди других». «Если хочешь, чтобы люди шли за тобой, иди за ними» [цит. по: 523, с. 72–73].

Великий китайский мудрец, «царь без трона, воспитатель десяти тысяч поколений» Кун Фу-цзы, что означает Почтенный Учитель Кун или по-европейски *Конфуций*, родился и жил

в эпоху великих социальных и политических потрясений. Это было время распада чжоуской империи и начала гражданских войн. Страна стояла на пороге периода «воюющих царств», который закончился лишь в 221 г. до н. э., когда победившее княжество Цинь объединило страну под властью императора.

В то же время среди правителей, понимающих, что одной военной силы недостаточно для эффективного управления государством, появился спрос на теоретические и практические исследования, конкретные рекомендации, способные отвести страну от края пропасти, предложить пути преодоления царившего в стране хаоса.

Конфуций создал оригинальную идеальную модель правителя – «благородного мужа» (цзюнь-цзы), предложил концепцию, согласно которой государство является большой семьей, император выступает отцом этого семейства, сторонником ненасильственных методов правления и равномерного распределения богатств.

Идеальному правителю – главе «государственной» семьи, – по мнению Конфуция, не надо отдавать приказы. Подчиненные и так прекрасно знают свои обязанности и исполняют их с усердием. Для этого правителю необходимо соответствовать понятию «совершенного мужа», являющегося предметом уважения и почитания. При этом Конфуций подчеркивал необходимость и важность образования, осмысления полученных знаний и неукоснительного применения их на практике. Идеальный правитель должен обладать человечностью, относиться с сыновней почтительностью к вышестоящим и опираться на доверие нижестоящих. Основное внимание Конфуций обращал на дефиницию «человечность» или «гуманность». Это понятие понималось им чрезвычайно широко и включало в себя скромность, справедливость, сдержанность, достоинство, бескорыстие, любовь к людям и т. п. В китайском языке иероглиф жень («человечность») состоит из двух других иероглифов: «человек» и «два». Основное значение иероглифа – обозначить гуманные и человеческие отношения между двумя людьми. Выдающийся человек не ставит себя выше других; он прям, бесхитроустен, любит справедливость, прислушивается к мнению людей, внимателен к ним [252; 253].

Конфуций считал, что лидер (руководитель, правитель) должен почитать «пять прекрасных качеств»: «благородный муж в доброте не расточителен; принуждая к труду, не вызывает гнева; в желаниях не алчен; в величии не горд; вызывая почтение, не жесток. При этом ему необходимо искоренить в себе такие «отвратительные» качества, как жестокость, грубость, жадность. Высокие моральные качества правителя дают право властвовать над народом. Конфуций утверждал, что «люди довольны своим лидером, потому что он для них как отец. Если правитель ведет себя правильно, он установит в стране порядок» [252; 253].

Идеальный правитель, по мнению Конфуция, должен обладать следующими личностными качествами и характеристиками:

- подчиняться императору и следовать конфуцианским принципам;
  - управлять на основе добродетели («бадао»);
  - обладать необходимыми знаниями;
  - верно служить стране, быть патриотом;
  - обладать большими амбициями, ставить высокие цели;
  - быть благородным;
  - делать только добро государству и окружающим;
  - предпочитать убеждение и личный пример принуждению;
  - заботиться о личном благосостоянии подчиненных и страны в целом.
- В свою очередь, последователи должны:
- быть лояльными по отношению к руководителю;
  - проявлять старание в работе;
  - постоянно учиться и самосовершенствоваться [252; 253].

Конфуций сформулировал «золотое правило нравственности», которого явно не хватает многим современным правителям: «Не делай человеку того, чего не желаешь себе. И тогда исчезнет ненависть в государстве, исчезнет ненависть в семье» [252; 253].

Существенный вклад в становлении науки о лидерстве (героях, правителях) внес известный китайский мыслитель *Сюнь-цзы*. Он был уверен, что для того, чтобы стать настоящим лидером, необходимо постоянно учиться, формировать свои лучшие качества, проявлять их в сложнейшие минуты жизни. В своем главном труде «Сюнь-цзы» он писал: «В древние времена совершенно мудрые, видя, что человек по своей природе зол, именно поэтому и создали власть правителя, чтобы следить за людьми, разъясняли основы ритуала и долга, чтобы воспитывать людей. Если распределение будет равным, тогда не хватит на всех; если уравнивать власть, станет невозможным единство; если все будут равны, никого не заставишь работать. Подобно тому, как существуют небо и земля, существуют различия между теми, кто наверху, и теми, кто внизу. Положение людей от ученого и выше нужно регулировать с помощью ритуала и музыки; если говорить о простых людях, народе, то управлять ими нужно с помощью законов. Вань-предки знали, что если те, кто стоит над людьми, кто правит ими, не прекрасны и не украшены красивой одеждой, они не смогут объединить народ... Если те, кто стоит над людьми и правит ими, не богаты и не щедры, они не смогут управлять теми, кто находится внизу. Если хочешь видеть, что было тысячу лет назад, вникай в совершенность; если хочешь познать огромное множество вещей, начинай их изучение с одной или двух; если хочешь узнать о делах поколений древности, вникай в дао эпохи Чжоу; если хочешь вникнуть в дао эпохи Чжоу, изучай дела совершенных людей, которых почитают современники.

Существуют четыре вида мудрости:

МУДРОСТЬ СЛУГИ: быстрота, находчивость, остроумие и проницательность в речи, но отсутствие в ней последовательности; способность разрабатывать учение, которое, однако, никому не нужно, нежелание считаться с правдой и ложью...;

МУДРОСТЬ НИЧТОЖНОГО ЧЕЛОВЕКА: лицемерие в словах, нарушение всех принципов в поступках, множество ошибок в делах;

МУДРОСТЬ ОБРАЗОВАННОГО, СОВЕРШЕННОГО ЧЕЛОВЕКА: способность говорить мало, но прямо и сжато, способность излагать свои мысли по порядку, словно каждое слово нанизано на одну ниточку, и быть сдержанным;

МУДРОСТЬ СОВЕРШЕННО МУДРОГО: последовательность в изложении, способность целыми днями обсуждать причины тех или иных явлений, рассматривать их со всех сторон и в то же время сохранять единую последовательность. Лучше сначала дать возможность народу получить выгоду и лишь затем отобрать часть ее, чем совсем не давать народу возможности получать выгоду и отнимать ее у него. Спрашивают: как осуществлять управление государством? Отвечаю: мудрых и способных людей нужно выдвигать на должности независимо от их положения и происхождения; ленивых и неспособных людей нужно немедленно отстранять от должности. Народ легко заставить быть единым в своих стремлениях, если использовать для этого правильный путь, но нельзя совместно с ним выяснять необходимость этого» [цит. по: 523, с. 321–322].

Один из наиболее известных китайских мыслителей, первый министр царства, а затем империи Цинь ученик *Сюнь-цзы* Хань Фэй особо подчеркивал, что «правителю надлежит обладать не только знанием, но и умением эффективно использовать это знание». По его мнению, власть не должна стремиться к утверждению справедливости и добродетели. Моральные качества правителя никак не влияют на обязанность подданных следовать его повелениям. Он утверждал, что «неизменный принцип мироздания состоит в том, что подданный служит властителю, сын – отцу, а жена – мужу. При этом подчинение государю важнее, чем семейные обязательства» [цит. по: 523; 631].

Он писал, что «власть прячется в груди, чтобы быть готовой к различным событиям и незаметно управлять своими слугами. При наличии способностей, но при отсутствии искусства управления даже мудрый не сможет управлять порочными. Управляя народом в опасное время, нельзя пользоваться великодушной и мягкой политикой. Управлять живущим в настоящее время народом нельзя на основе методов покойных правителей [цит. по: 523, с. 344].

В своем главном сочинении «Пять паразитов» Хань Фей анализирует жизненный и карьерный путь наиболее мудрых китайских правителей древности и обращает внимание на две их характерные черты, делающие государя мудрым и любимым: заботу о нуждах народа и умение перестраивать методы управления страной в зависимости от изменяющихся обстоятельств [цит. по: 523, с. 336–337].

В данном исследовании китайский мыслитель выделил пять типов людей-паразитов:

1) ученые, которые расхваливают путь прежних правителей под предлогом их гуманности и следования чувству долга, пышно украшают свои одежды и изощряются в изысканных речах, вызывая сомнения в существующих законах и раздвоенности в душе правителя;

2) болтуны, которые несут всякий вздор, опираются на внешние силы, чтобы устроить свои личные дела и отбросить дела, полезные для алтаря земли и злаков, каковым является любое царство;

3) те, кто носят мечи, собираются толпами, выставляют напоказ свои качества, чтобы прославить свое имя и нарушить запреты высших чиновников;

4) те, кто страшатся повинностей, собираются в частных домах, употребляют все свое добро на взятки, чтобы упротить самовластных чиновников и уклониться от тяжелых трудов и воинской службы;

5) торговый и ремесленный люд, который изощряется в изготовлении грубых подделок, собирает у себя несметные запасы, а собрав их, выжидает время, чтобы посягнуть на выгоды земледельцев, занимаясь перепродажей продуктов в зимнее время или неурожайные годы [цит. по: 523, с. 346–347].

Многие мысли Хань Фей достаточно интересны и современным политическим лидерам различных уровней. Он писал: «Выгода государя в том, чтобы иметь способных подданных и назначать их на должности, а выгода чиновников в том, чтобы, не имея способностей, распоряжаться делами; выгода государя в том, чтобы иметь заслуженных подданных и вознаграждать их; выгода чиновников в том, чтобы, не имея заслуг, быть богатыми и знатными; выгода государя в том, чтобы выдающиеся люди служили ему по своим способностям; выгода чиновников в том, чтобы использовать в личных целях своих друзей и сторонников... Таким образом, государь теряет силу, а чиновники завладевают государством; государь опускается до положения подчиненного чиновника, а первый министр начинает распоряжаться раздачей чиновничьих верительных бирок. Правитель ни в коем случае не должен делить ни с кем свою власть. Мудрый правитель скрывает свои следы, утаивает причины своих поступков, дабы чиновники не воспользовались ими; удоливает свою мудрость, принижает свои способности, дабы низшие не могли разобраться в них, лишает чиновников надежды и использует их так, чтобы они не желали власти правителя» [цит. по: 523, с. 340–341].

В европейских странах Средиземноморья возник новый античный вариант политического развития. Его эпицентром стала Греция. Вместо централизации власти здесь создавались независимые политические общности, называемые *полисами*. Фундаментальным принципом организации полисного строя стало участие большинства свободных граждан в разработке и реализации политических решений. Носителем высшей суверенной власти в полисе стало народное собрание, которое выражало коллективную волю граждан. Наибольший расцвет античная демократия имела в Афинах. Этому способствовал уникальный политический климат города. Более двух веков в полисе существовала форма правления, которую называют прямой демократией. Эта политическая система была основана на буквальном значении слова

«демократия», т. е. власть народа. В политической жизни принимали участие все граждане. Предоставление статуса гражданина считалось в Афинах исключительно высокой привилегией. Все граждане были членами ассамблеи, которая являлась верховным органом правления города-государства. Законопроекты представляли в ассамблею члены совета. Ни один гражданин не мог быть избран в совет более двух раз, поэтому каждый имел возможность участвовать в нем по крайней мере раз в жизни. О совершенстве греческой демократии свидетельствует тот факт, что она не имела равных на протяжении более 2 тыс. лет.

В таких условиях начал формироваться совершенно иной тип правителя или политического лидера. Для античных мыслителей – это мудрец, интеллектуал, обладатель высоких морально-нравственных качеств, высоконравственный правитель, «отец» своим подданным, уважающий традиции и обычаи государства, во главе которого он находился. Главная его цель – порядок, справедливость и благосостояние. Он не столько управлял, сколько вел за собой последователей. Власть такого лидера осуществлялась в тесной взаимосвязи с религией. Это было правильным, так как решения мировоззренческих проблем, определение и формирование морально-нравственных идеалов и ценностей, формирование этических норм были чрезвычайно важны для античного правителя, политика и философа в одном лице. Это детерминировало взаимоотношения лидера и его последователей, сторонников и союзников. Это очень важно, так как в те времена влияние было основано на авторитете конкретного человека, его личностных умениях и качествах, способностях и достоинствах, профессионализме и добродетелях.

Конечно, были и другие понимания сущности правителя, когда его считали тираном, диктатором, стремящимся удовлетворить свои низменные потребности за счет своих подданных. Однако такой человек мог быть правителем, но лидером в нынешнем понимании – никогда.

Тему героизма и лидерства достаточно активно исследовали в античные времена. В античной традиции она преимущественно развивалась древнегреческими (*Геродот, Фукидид*) и древнеримскими (*Плутарх, Гай Светоний Транквилл, Гай Саллюстий Крисп, Квинт Курций Руф*) мыслителями. Они анализировали действия конкретных исторических личностей (*Креза, Фемистокла, Перикла, Александра Македонского, Помпея, Гая Юлия Цезаря, Нерона*), описывали совершенные ими подвиги, осуждали плохие поступки и т. д. В Древнем Риме особенно популярны были труды, в которых подробно описывалась жизнь героев: «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, «Жизнь двенадцати цезарей» Гая Светония Транквилла, «Записки Юлия Цезаря» и «О заговоре Катилины» Гая Саллюстия Криспа и др. [104; 105].

Герои Античности – это воины или полководцы, которые проявили себя на поле брани, бросаясь в гущу сражения с мечом или копьем в руке, показали образцы мужества и отваги, тем самым отстояли не только собственную честь или память предков, но и свободу своего народа. В результате такие личностные качества, как бесстрашие и самоотверженность, ратная доблесть и храбрость, становятся важнейшими, а другие черты – альтруизм или самопожертвование ради истины, умеренность в своих желаниях или скромность – уходят на второй план.

Главная работа Гомера «Илиада» посвящена воинам-героям. Герои – это сыновья, внуки и правнуки богов от смертных женщин. Они совершали подвиги, очищали землю от чудовищ, наказывали злодеев и показывали свою силу в междоусобных войнах. Подвиги во имя Отечества и стремление к славе поднимали их на уровень богов. В образе главного героя «Илиады» Ахиллеса были сосредоточены основные качества героев-победителей – сила, отвага, мужество, справедливость. Чего стоит только описание копья Ахиллеса:

«Тяжел был

Крепкий, огромный тот ясень; его никто из ахейцев

Двигать не мог; лишь один Ахиллес без труда потрясал им...» [124].

Ахиллес необычайно храбр. Даже зная о своей горькой участи умереть молодым, он все равно предпринимает этот опасный поход к Илиону. Причем простого смертного Ахиллеса за

его личностные качества называют «богоподобным». Одним из критериев отличия героев от простых людей, по Гомеру, является внешняя красота, которая должна сочетаться с внутренней красотой. Гомеровский герой обладал не только острым умом и силой духа, но и прекрасным телом, что вызывало восхищение и зависть у врагов. Для античного героя важно было умереть на поле брани ради Родины, славы и памяти о себе. Это являлось особой мотивацией великих дел [124].

Отдельный интерес представляют исследования в области героизма древнегреческого философа *Гераклита*. Он происходил из царской семьи; как потомок рода Андроклидов (легендарного основателя Эфеса – Андрокла) должен был унаследовать почетный титул царя, но отрекся от него в пользу брата. Диоген Лаэртский сообщает, что Гераклит возненавидел людей, удалился и стал жить в горах, питаясь быльем и травами [160]. Гераклит постоянно подчеркивал свое презрение к демократии как власти толпы. Он утверждал, что «звери, живя вместе с нами, становятся ручными, а люди, общаясь друг с другом, становятся дикими». Для Гераклита «один, если он наилучший» выше многотысячной толпы. Причем мыслитель определял наилучшего не по происхождению или богатству, а по уму, по духовным ценностям. «Если бы счастье заключалось только в телесных удовольствиях, мы бы назвали счастливыми быков, нашедших горох для еды». Он презирал невежество тех людей, которые в погоне за материальными благами не занимаются своим духовным совершенствованием и при этом не терпят «наилучших», которые выше большинства по своим личностным качествам. Гераклит учил, что мир есть вечный процесс становления, осуществляющийся в форме борьбы между отдельными элементами действительности; в этой борьбе проявляется высший разум, определяющий движение Вселенной. «Все течет, все меняется», «Даже прекраснейшая из обезьян безобразна», – утверждал мыслитель [цит. по: 523, с. 124].

Великий греческий философ *Сократ* — первый из трех выдающихся мыслителей Древней Греции. Он в юном возрасте был признан самым мудрым человеком на земле – дельфийским оракулом. Он являлся, как считали многие современники, воплощением эллинской мудрости. Жрица-прорицательница храма Аполлона в Дельфах *Пифия*, устами которой вещали боги, на вопрос, есть ли кто на свете мудрее Сократа, ответила: «Софокл мудр, Еврипид мудрее, Сократ же – мудрейший из всех людей».

Сократ не создал какой-либо философской системы, не написал ни строчки. Он постоянными беседами, диспутами и спорами будоражил умы собеседников, будил их мысли. Мыслитель пытался подтолкнуть людей к новому знанию. Он был убежден, что знание можно обрести только собственными силами, а не получить его готовым из каких-то внешних источников. «Есть только одно благо – знание и только одно зло – невежество. Высшая мудрость – различать добро и зло» [цит. по: 234], – утверждал мыслитель.

Сократ стремился обратить особое внимание своих современников на внутренний мир человека, попытался сформировать новый образ правителя. Он был убежден, что править должны мудрые, высокоморальные люди, что власть не должна передаваться по наследству. Качества правителя Сократ рассматривал с точки зрения «сознательного выбора», считал, что правитель – это мудрец, который умеет обуздывать страсти своего тела, низменные инстинкты и желания низкого порядка, он должен обладать высокими морально-нравственными характеристиками. Сократ утверждал, что «цари и правители не те, которые носят скипетр или избраны кем попало, или получили власть по жребию или насилием, или обманом, но те, которые умеют управлять» [цит. по: 234]. Сократ предъявлял конкретные требования к правителю – духовное совершенство и опыт ведения общественных дел, забота об общем благе и конкретные добродетели.

Основными добродетелями Сократ считал сдержанность (как укрощать страсти), мужество (как преодолеть опасность) и справедливость (как соблюдать божественные и человеческие законы). Эти добродетели человек приобретает путем познания и самопознания. Добро-

детели, равно как и моральные нормы, и законы, основанные на них, Сократ считал вечными и неизменными. Добродетели связаны со знаниями, которыми необходимо овладеть. Только зная, что есть добро и обладая добродетелями, правитель совершает благие дела, которые по своей сути прекрасны. Отсюда высказывание античного философа: Истина – Добро – Знание. Обладая данными добродетелями, правитель должен быть сильным и самодостаточным, справедливым и умеренным, мужественным и образованным.

Справедливость Сократ понимал в духе соблюдения сословных интересов аристократии. Добродетель, по его мнению, – это то, что совершенствует природу человека, возвышает его. Знание есть добродетель. Однако, отмечал мудрец, не всякое знание, а лишь знание добра и зла, знание, которое ведет к правильным, добродетельным поступкам. Сократ пропагандировал воздержанность как противодействие против невероятной распущенности того времени, против похоти. Страсти, особенно злые, не могут разрушить гармонию его души. Мужество, по мнению Сократа, – необходимое качество для воина, знание – главный критерий для правителя. Однако следует отметить, четкой и конкретной модели идеального правителя у Сократа так и не получилось [цит. по: 234].

Наиболее детально образ идеального правителя был разработан древнегреческим писателем, историком, полководцем и политическим деятелем *Ксенофонтом* в работах «Анабасис», «Агесилай», «Гиерон» и «Киропедия».

В труде «Анабасис» Ксенофонт особое внимание уделял деятельности и ратным подвигам спартанского царя Агесилая II, наделяя его качествами идеального полководца, правителя и человека. Интересен и образ Кира Младшего, поднявшего мятеж против своего старшего брата, персидского царя Артаксеркса II. Именно в данном произведении Ксенофонт впервые начал работу над созданием модели идеального правителя.

Дальнейшее развитие это направление получило в небольшом исследовании «Агесилай». Ксенофонт, идеализируя личность Кира младшего, подчеркивал в нем качества идеального монарха и военачальника, в особенности, его умение находить понимание с соратниками и друзьями. В этих двух работах Агесилай также показан выдающимся полководцем, бесстрашным героем, исключительной личностью.

В «Гиероне» идеальный правитель – справедливый и добродетельный руководитель государства, способный эффективно управлять людьми. Причем, как утверждал Ксенофонт, управлять людьми – это сложное искусство, но этому искусству можно и необходимо постоянно учиться.

Известное исследование «Киропедия» (Воспитание Кира) в восьми книгах посвящено жизнедеятельности создателя персидской империи Кира Старшего. В лице Кира Ксенофонт изобразил образ идеального правителя, по выражению древнего критика Дионисия, «царя благородного и счастливого». Образ Кира Старшего дан в развитии и становлении. Он, как и другие знатные персы, показан сильным, физически развитым воином. Он прекрасно усвоил систему основных нормативов и принципов, которыми должен руководствоваться каждый государь в своей жизни. Важнейшие среди них – умение повиноваться старшим и властям и способность самому повелевать. Но Кир – не просто первый среди равных – он в силу божественной природы призван стать творцом нового порядка и нового, идеально устроенного государства [389, с. 116; 572].

В «Киропедии» Ксенофонт представляет основные качества и добродетели, необходимые правителю: он должен почитать богов, быть справедливым, честным, храбрым и владеющим собой; силой личного примера должен воздействовать на своих подданных, побуждая их к добродетельной жизни, награждая заслуги и карая проступки. Подданные такого правителя поистине счастливы; они подчиняются ему добровольно, он для них – отец и вдохновитель [284].

В «Киропедии» также предложен комплекс наиболее значимых идей, поднимающих греческую элиту на конкретные политические действия и ратные подвиги. Это проблема идеального государства, призванного служить интересам данной элиты, тема идеального политического деятеля, правителя, способного создавать и развивать такие государства, проблема целенаправленного и постоянного воспитания, способного сформировать идеальную личность – правителя, человека и гражданина.

В своих исследованиях Ксенофонт впервые и даже несколько демонстративно конкретизирует, персонифицирует образ правителя. Его Кир – это синтезированный и идеализированный образ современных и импонирующих автору политических лидеров, «сильных личностей» [556, с. 206–207].

В то же время целый ряд мыслителей Древней Греции отождествляли правителей с тиранами и организовывали борьбу против них. Тиранами тогда чаще всего называли властителей насильственного типа, правителей, захвативших власть незаконным, насильственным путем. В литературе того времени стало развиваться представление о тирании как о наихудшей форме власти, вследствие чего слово «тиран» окончательно приобрело тот одиозный смысл, который вкладывается в него в настоящее время. Наиболее емкая и обширная критика тирании содержится в «Истории» Геродота, «Политике», «Афинской политике» Аристотеля и «Истории» Фукидида [21; 22; 117].

Известный древнегреческий историк, автор первого исторического трактата «История», своеобразный и весьма оригинальный мыслитель *Геродот*, которого Цицерон назвал «отцом истории», резко критиковал тиранию. По своим политическим симпатиям Геродот – сторонник афинской демократии эпохи Перикла. В молодые годы он активно включался в борьбу с третьим галикарнасским тираном, внуком Артемисии Лигдамилом.

Идеал Геродота – политический строй, основными принципами которого являются равенство всех граждан перед законом и предоставление им всем права участия в государственных делах. Этот политический строй Геродот противопоставляет тирании.

Отражая общие настроения греков, Геродот резко осуждал личностный характер власти тиранов. Даже благородный человек, по его мнению, не способен устоять перед богатством и роскошью и, опьяненный властью, начинает править по собственному усмотрению, нарушая законы и осуществляя насилие над людьми. Он постепенно из честного, благородного правителя под влиянием объективных обстоятельств превращается в тирана.

Концепции формирования политических лидеров античного мира нашли завершенность в трудах *Платона*. Платон, как и многие другие дети из аристократических семей, получил хорошее образование. В юности он хотел стать политиком, увлекался литературой, слушал последователя Гераклита философа Кратила. В молодости попал под влияние Сократа и перестал мечтать о политической карьере, однако не потерял интерес к политике. Казнь учителя в 399 г. до н. э. лишила Платона иллюзий относительно справедливости афинской политической системы. Платон уехал из Афин и путешествовал по Южной Италии, Сицилии, Египту. После возвращения в Афины он организовал собственную школу – Академию и, стремясь продолжить дело Сократа, посвятил жизнь философии.

С именем Платона связано возникновение политической философии и создание теории идеального государства. Политико-правовым и нравственным проблемам его формирования и функционирования посвящены основные работы Платона – «Государство», «Законы», «Политик» [445].

Главная цель идеального государства, по Платону, – это добродетель, забота о благополучии государства и его граждан, их моральном развитии и совершенствовании, стремление так устроить общую жизнь людей, чтобы все были счастливы. Он был убежден, что «надо устранить «богатство и бедность. Одно ведет к роскоши, лени, новшествам, другая, кроме новшеств, – к низостям и злодеяниям» [445, с. 170].

Даже в идеальных государствах, считал Платон, «необходимо, чтобы были правители и подчиненные. Но на каких основаниях одни должны править, а другие подчиняться в больших государствах и малых семьях?» [445, с. 450]. Он же отвечает на этот вопрос: «Но главнейшим требованием является, по-видимому... чтобы несведущий следовал за руководством разумного и был под его властью» [445, с. 450].

Управление государством, по мнению Платона, – это дело грамотных и умных людей. Оно должно базироваться прежде всего на разуме. «Невежественным гражданам нельзя поручать ничего относящегося к власти; их должно поносить как невежд, даже если они и горазды рассуждать и наловчились во всевозможных душевных тонкостях и извивах. Людей же противоположного склада должно называть мудрыми, даже если они, как говорят, ни читать, ни плавать не умеют; как людям разумным, им надо поручать управление» [445, с. 84]. Он подчеркивал, что для управления государством не годятся «как люди непросвещенные и не сведущие в истине, так и те, кому всю жизнь предоставлено заниматься самоусовершенствованием, – первые потому, что в их жизни нет единой цели, стремясь к которой они должны были бы действовать, что бы они ни совершали в частной или общественной жизни, а вторые потому, что по доброй воле они не станут действовать, полагая, что уже при жизни переселились на Острова блаженных» [445, с. 273].

Задача любого правителя – делать добро своим подданным. «И всякий, кто чем-либо управляет, – утверждал Платон, – никогда, поскольку он управитель, не имеет в виду и не предписывает того, что пригодно ему самому, но только то, что пригодно его подчиненному, для которого он и творит. Что бы он ни говорил и что бы ни делал, всегда он смотрит, что пригодно подчиненному и что тому подходит» [445, с. 449–450]. Он подчеркивал, что идеальный правитель «никогда не действует и не повелевает ради собственного блага, но повелевает только ради высшего блага для своих подчиненных» [445, с. 88]. Поэтому во главе идеального государства должны находиться умные и грамотные цари, лидеры, философы, «правители в самом точном смысле этого слова» [445, с. 82]. Чтобы воплотить этот идеал в жизнь, Платон потратил много лет, пытаясь превратить тиранов Дионисия Старшего и его сына Дионисия Младшего в мудрых правителей. Причем, по мнению Платона, «действительно настоящий правитель ошибок не совершает, он безошибочно устанавливает то, что для него всего лучше, и это должны выполнять те, кто ему подвластен» [445, с. 82].

Кто же он идеальный правитель, царь – «божественный *пастырь*» [445, с. 740]. Мыслитель создал четыре модели правителя – пастуха, пасущего стадо, правителя-врача, правителя-кормчего, правителя-ткача, однако он не считает их идеальными. «Образ божественного пастыря слишком велик в сравнении с царем, нынешние же политики больше напоминают по своей природе, также образованию и воспитанию подвластных, чем властителей» [445, с. 740], – подчеркивал мыслитель.

Платон начинает типологию правителей с модели «пастуха человеческого стада». «Ему одному только и пристало, по образцу пастухов и волопасов, иметь попечение о выращивании человеческого стада и носить соответствующее этому имя» [445, с. 740], – отмечает мыслитель. Однако он не считал пастуха идеальным правителем, «потому что ты думаешь, будто пастухи либо волопасы заботятся о благе овец или волов, когда откармливают их и холят, и что делают они это с какой-то иной целью, а не ради блага владельцев и своего собственного. Ты полагаешь, будто и в государствах правители – те, которые по-настоящему правят, – относятся к своим подданным как-то иначе, чем пастухи к овцам, и будто они днем и ночью только и думают о чем-то ином, а не о том, откуда бы извлечь для себя пользу... Подданные осуществляют то, что пригодно правителю, так как в его руках сила. Вследствие их исполнительности он благоденствует, а сами они – ничуть» [445, с. 84–85].

Правитель-врач ценен Платону за знания способов врачевания больного. Мыслитель допускал насилие во благо исцеления пациентов. «Ведь врачей мы почитаем врачами неза-

висимо от того, лечат ли они нас по нашему согласию или против нашей воли, когда они делают нам разрезы, прижигания или, пользуя нас, причиняют другую какую-то боль, действуют согласно установлениям или помимо них и богаты ли они или бедны, – пока они руководствуются искусством, очищая или как-то по-иному ослабляя либо, наоборот, укрепляя наше тело, – лишь бы врачеватели действовали на благо наших тел, превращали их из слабых в более крепкие и тем самым всегда спасали врачуемых. Именно таким образом, а не иным мы дадим правильное определение власти врача, как и всякой другой власти. Из государственных устройств то необходимо будет единственно правильным, в котором можно будет обнаружить истинно знающих правителей, а не правителей, которые лишь кажутся таковыми; и будет уже неважно, правят ли они по законам или без них, согласно доброй воле или против нее, бедны они или богаты: принимать это в расчет никогда и ни в коем случае не будет правильным» [445, с. 759]. Правители-врачи полезны для отсечения всего вредного и заразного в общественном организме, для вырезания тех «сот с медом», на которых плодятся и кормятся «трутни с жалом» или «без жала». Однако «давайте представим себе все, что мы терпим из-за врачей величайшие страдания. Кого из нас они хотят сберечь, того каждый из них оберегает, но уж кого хотят погубить, того они всячески губят – и разрезами, и прижиганиями, да еще велят расходоваться на них, налагая род некой дани, из которой на больного идет очень мало либо совсем ничего, всем же остальным пользуется сам врач и его слуги. Кончается тем, что врач, приняв в уплату деньги от родственников больного или от его врагов, просто его убивает» [445, с. 765].

Тип правителя-кормчего также имеет в исследованиях Платона существенную ценность. Мыслитель убежден, что искусное мореплавание допускает только одного кормчего, одну пару умелых рук на штурвале и не может быть отдано на откуп бушующей толпы. «Подобно тому, как кормчий постоянно блюдет пользу судна и моряков, подчиняясь не писаным установлениям, но искусству, которое для него закон, и так сохраняет жизнь товарищам по плаванию, точно таким же образом заботами умелых правителей соблюдается правильный государственный строй, потому что сила искусства ставится выше законов. И пока руководствующиеся разумом правители во всех делах соблюдают одно великое правило, они не допускают погрешностей: правило же это состоит в том, чтобы, умно и искусно уделяя всем в государстве самую справедливую долю, уметь оберечь всех граждан и по возможности сделать их из худших лучшими» [445, с. 763–764]. Однако сомнения по поводу идеального правителя-кормчего у Платона остаются: «Они, следуя чьему-то злему умыслу, покидают людей на пустынных морских берегах, а также подстраивают так, что люди падают за борт в море, и строят другие козни» [445, с. 765].

Особенно интересен в изображении Платона образ правителя-ткача. Эффективное управление государством – это «целиком и полностью дело царского ткачества» [445, с. 779]. Это сложное, тонкое и кропотливое дело. Во-первых, отмечает Платон, «царское искусство прямым плетением соединяет нравы мужественных и благоразумных людей, объединяя их жизнь единомыслием и дружбой и создавая таким образом великолепнейшую и пышнейшую из тканей. Ткань эта обвивает всех остальных людей в государствах – свободных и рабов, держит их в своих узах и правит и распоряжается государством, никогда не упуская из виду ничего, что может сделать его, насколько это подобает, счастливым» [445, с. 780]. Во-вторых, «в тех связях нет ничего невозможного, если только оба рода будут иметь одну заботу – о совершенстве. Это-то и есть целиком и полностью дело царского ткачества: оно ни в коем случае не должно допускать, чтобы рассудительные характеры отдалялись от мужественных, но должно сплести их вместе единомыслием и почестями, бесчестьем и славой, а также взаимной выдачей обязательств и, изготовляя, таким образом, мягкую и, как принято говорить, ладно сотканную ткань, всегда предоставлять государственные должности обоим этим родам совместно» [445, с. 780].

Платон в своих работах особое внимание уделяет еще одному типу эллинов, которые также стремятся стать правителями, но не имеют для этого необходимых личностных качеств и соответствующих добродетелей. Философ в работе «Государство» интересно и достаточно продуктивно строит социологическую модель «трутней, имеющих жало». Это особый тип «людей, праздных и расточительных, под предводительством отчаянных смельчаков, за которыми тянутся и не столь смелые, мы их уподобили трутням, часть которых имеет жало, а часть его лишена» [445, с. 321]. За редкими исключениями, они «чуть ли не стоят во главе: самые ядовитые из трутней произносят речи и действуют, а остальные усаживаются поближе к помосту, жужжат и не допускают, чтобы кто-нибудь говорил иначе» [445, с. 323]. «И хорошему врачу, и государственному законодателю надо заранее принимать против них меры не менее, чем опытному пчеловоду, главным образом, чтобы не допустить зарождения трутней, но, если уж они появятся, надо вырезать вместе с ними и соты» [445, с. 321].

Решение большого количества проблем Платон видел в создании идеального государства, которое, по его мнению, должно обладать четырьмя главными доблестями: мудростью, мужеством, сдерживающей мерой и справедливостью. Мудрость – это прерогатива правителей-философов. Под мудростью Платон понимал высшее знание или способность дать добрый совет правителям. Мудрость – это доблесть, принадлежащая не множеству ремесленников, а немногим – философам.

Для Платона важно, чтобы в идеальном государстве были правители, способные защищать своих подданных, свои взгляды и идеи. «И мужественным, думаю я, мы назовем каждого отдельного человека именно в той мере, в какой его яростный дух и в горе, и в удовольствиях соблюдает указания рассудка насчет того, что опасно, а что неопасно» [445, с. 194], – отмечал мыслитель.

Сдерживающая мера – это качество, принадлежащее всем членам наилучшего государства. Именно сдерживающая мера приводит к гармоничному согласованию как взглядов потребностей различных сословий идеального государства.

Четвертая доблесть идеального государства – справедливость. Как утверждал Платон, «справедливость, считаем мы, бывает свойственна отдельному человеку, но бывает, что и целому государству» [445, с. 111]. Он утверждал, что «справедливость – это добродетель и мудрость, а несправедливость – порочность и невежество» [445, с. 93], «справедливые люди мудрее, лучше и способнее к действию» [445, с. 95].

Государство, по мнению мыслителя, достигнет благополучия лишь тогда, когда философы придут к власти или же цари захотят стать философами. Платон подчеркивал, что некоторых противников идеального государства «все еще приводят в ярость наши слова, что ни для государства, ни для граждан не будет конца несчастьям, пока владыкой государства не станет племя философов или пока не осуществится на деле тот государственный строй, который мы словесно обрисовали» [445, с. 256]. «Раз философы – это люди, способные постичь то, что вечно тождественно самому себе, а другие этого не могут и застревают на месте, блуждая среди множества разнообразных вещей, и потому они уже не философы, то спрашивается, кому из них следует руководить государством?» [445, с. 237]. Философы – это прекрасно образованные, располагающие для правления государством необходимыми личностными качествами и опытом люди, которые понимают, что есть разумное и нравственное общее благо. Причем философы должны обладать настоящими знаниями и чувством заботы о благополучии и справедливости, руководствоваться разумно понятыми интересами общества. Но для решения проблем государства правители должны быть не мнимыми, а истинными философами. Под ними Платон понимал тех, которые «любят созерцать истину» [445, с. 238]. Именно к ним относятся его знаменитые слова: «Пока в городах, – утверждал мыслитель, – не будут либо царствовать философы либо искренно и удовлетворительно философствовать нынешние цари и власти-

тели, пока государственная сила и философия не совпадут в одно... до тех пор ни для государств, ни даже, полагаю, для человеческого рода нет конца злу» [445, с. 243].

Кроме того, в работе «Государство» Платон подчеркивал, что философы – это умные люди, «природа философа отличается соразмерностью и врожденной тонкостью ума» [445, с. 240]. Они должны иметь в своем характере такие качества, как «правдивость, решительное неприятие какой бы то ни было лжи, ненависть к ней и любовь к истине» [445, с. 238].

Философ-правитель идеального государства должен быть «человеком, памятьливым от природы, способным к познанию, великодушным, тонким и к тому же другом и сородичем истины, справедливости, мужества и рассудительности» [445, с. 240]. «А хоровод остальных свойств человека, обладающего философским складом? Впрочем, к чему сызнова его строить – ты ведь помнишь, что в него должны входить мужество, великодушие, понятливость, память» [445, с. 239].

Трудно быть философом. Те, «кто занимается философией, неизбежно будут вызывать порицание толпы» [445, с. 248]. Губят душу и отвлекает ее от философии, – считал философ, – «все так называемые блага: красота, богатство, телесная сила, влиятельное родство в государстве и все, что с этим связано» [445, с. 245]. «Когда, таким образом, от философии отпадают те люди, которым всего больше надлежит ею заниматься, она остается одинокой и незавершенной, а сами они ведут жизнь и неподобающую, и неистинную. К философии же, раз она осиротела и лишилась тех, кто ей сродни, приступают уже другие лица, вовсе ее не достойные. Они позорят ее и навлекают на нее упрек в том, за что как раз и порицают ее, по твоим словам, ее хулители, говоря, будто с ней имеют дело люди либо ничего не стоящие, либо же в большинстве своем заслуживающие всего самого худшего» [445, с. 250].

Подбор будущих правителей – сложное дело. Важно не ошибиться. От этого зависит судьба государства и многих людей. Платон писал, что «касается рассудительности, мужества, великодушия, а также всех других частей добродетели, надо не меньше наблюдать, кто проявляет благородство, а кто – подлость. Не умеющий это различать – будь то частное лицо или государство, – сам того не замечая, привлечет для тех или иных надобностей – в качестве друзей ли или правителей – людей, хромящих на одну ногу и подлых. Если мы подберем людей здоровых телом и духом и воспитаем их на возвышенных знаниях и усиленных упражнениях, то самой справедливости не в чем будет нас упрекнуть и мы сохраним в целости и государство, и его строй; а если мы возьмем не подходящих для этого людей, то все у нас выйдет наоборот и еще больше насмешек обрушится на философию» [445, с. 291].

Тем более, что «мы – основатели государства, – подчеркивал мыслитель, – нашим делом будет заставлять лучшие натуры учиться тому познанию, которое мы раньше назвали самым высоким, т. е. умению видеть благо и совершать к нему восхождение» [445, с. 273]. Положение человека в обществе, по мнению философа, должны определять не его социальное происхождение, не имущественное состояние, не знатность, связи или деньги, а его способности, высокие личностные качества, развитые образованием и воспитанием [445, с. 173].

Выдвинул Платон и идею о селекции «лучших граждан» для идеального государства. По словам философа, «лучшие мужчины должны большей частью соединяться с лучшими женщинами, а худшие, напротив, с самыми худшими» [445, с. 459]. Потомство лучших следует воспитывать, а детей худших оставлять безо всякой опеки, ибо «наше небольшое стадо должно быть самым отборным» [445, с. 459].

Платон основывал право философов на лидерство тем, что философы, которые созерцают нечто стройное и вечно тождественное, не творящее несправедливости и от нее не страдающее, полное порядка и смысла, сами, подражая этому, внесут то, что они находят в мире идеального бытия в частный общественный быт людей, сделают человеческие нравы угодными Богу. Лидеры, как утверждал Платон, являются настоящими творцами истории. Он был убеж-

ден, что достаточно появиться одному такому лицу, имеющему в своем подчинении государство, и человек этот совершит все то, чему теперь не верят [445].

Проект идеального государства Платона – достаточно интересный, однако фантастический и совершенно не реальный. Чтобы оградить философов от всяких низменных страстей, связанных с обладанием собственностью, Платон настаивал на ее полной ликвидации для данной социальной группы. Для воинов и философов отменяется моногамный брак, вводится общность жен. Функцию воспитания детей полностью берет на себя государство. У стражей не должно быть ни собственных домов, ни земли, ни вообще никакого имущества. Воинам запрещалось не только пользоваться, но даже прикасаться к золоту или серебру. Поэтому очень странным выглядит утверждение Александра Данилова: «Идеальный проект государства, изображенный Платоном, – это очень серьезная попытка гармонизировать развитие человечества. При всей условности иных подходов замысел характеризует высокий реализм мышления» [145, с. 15]. Общность жен, селекция по биологическим признакам – это, по мнению А. Данилова, очень реальный и на редкость гармоничный проект.

И все же основные работы Платона известны во всем мире. Они стали началом формирования теории, в которой разрабатывались представления о политико-организационных и конституционно-правовых формах обеспечения «идеального» общественного устройства, важнейшая роль в которых, по мнению философов, принадлежала политическим лидерам. По этой причине проблема «идеального правителя» в их трудах занимала одно из центральных мест [533].

Другой выдающийся мыслитель *Аристотель* восемнадцатилетним юношей отправился в Афины и начал обучение в Академии Платона, которую покинул после смерти наставника. Оставив Академию, он уехал в Македонию и стал учителем будущего великого полководца Александра Македонского. Аристотель написал большое количество трудов, признанных во всем мире. В дошедших до нашего времени известных произведениях «Политика», «Афинская политика», «Никомахова этика», «Большая этика» он исследовал важнейшие политико-правовые проблемы [21; 22]. Социально-политические взгляды Аристотеля подробно изложены в работе «Политика». В ней Аристотель рассматривал государство как форму общежития граждан, а политическое устройство как порядок, который лежит в основе распределения государственной власти. Он неоднократно подчеркивал, что «человек по природе своей есть животное политическое» [22, с. 378], в силу чего даже те люди, которые нисколько не нуждаются во взаимопомощи, стремятся к совместному проживанию. Государство создается не ради того, чтобы жить, но преимущественно для того, чтобы жить счастливо... Человек несет в себе инстинктивное стремление к совместной жизни. Врожденное неравенство способностей – причина объединения людей в группы, отсюда же различие функций и места людей в обществе [21; 22]. Назначение человека – в общении, а реализовать его он может в трех основных формах: семье, общине, государстве. При этом государство – высшая форма общения. Аристотель подверг критике учение Платона вообще и учение об идеальном государстве в частности. Он считал, что предлагаемая Платоном общность имущества, жен и детей ведет к уничтожению государства. Аристотель выступал убежденным защитником общества, частной собственности и моногамной семьи. Он полагал, что только в обществе человек становится человеком и что только человек может жить в обществе, так как вне его живут только боги или звери. Человек вне государства, считал Аристотель, «либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек» [22, с. 378]. Частная собственность, по его мнению, содержится в природе человека, его любви к самому себе. Причем Аристотель считал, что частная собственность имеет преимущество перед общественной. Однако на основании целого ряда размышлений он сделал вывод, что распределение материальных благ должно быть в известном отношении общим: «лучше, чтобы собственность была частной, а пользование ею – общим» [22, с. 400].

Решению многочисленных проблем, возникающих в обществе, помогает политика. Политика представляет собой человеческое общение, это публичное пространство, пространство свободы, расположенное между людьми и располагающее их к отношениям друг с другом. Политика, по мнению Аристотеля, есть «исследование человеческого общения в наиболее совершенной его форме, дающей людям полную возможность жить согласно их стремлениям» [22, с. 403].

В своем главном труде «Политика» Аристотель подчеркивал, что участие в политике для настоящего государственного мужа (*politikos*) (лидера) – это высшая форма проявления человеческого достоинства. Он был уверен, что во главе государства должны находиться мудрые философы – законодатели, благородные люди, отцы – основатели государства, политическое искусство которых заключается в поиске равновесия между крайностями, где особую роль играют нравственные законы, добродетель и мудрость.

Эффективность лидерства или искусства политического управления, – писал Аристотель в работе «Никомахова этика», – обусловлено особыми личностными параметрами и характеристиками. Такими лидерскими чертами античный мыслитель считал ум и добродетельность, мужество и гуманность, неподкупность и справедливость, наличие опыта и рассудительность [21]. Важно, чтобы настоящие государственные мужи (*politikos*) обладали известными чертами, но «поступки, совершаемые сообразно добродетели, не тогда правосудны или благоразумны, когда они обладают этими качествами, но когда [само] совершение этих поступков имеет известное качество – во-первых, оно сознательно (*eidos*), во-вторых, избрано преднамеренно (*proaigoumenos*) и ради самого [поступка] и, в-третьих, оно уверенно и устойчиво» [21, с. 83].

Великий мыслитель в своих исследованиях особое внимание уделил такому важному качеству античного человека и политика, как добродетель. В его работах мораль и добродетель, проявляемые не только на поле боя, но и в жизни в целом, являются важными факторами человеческого общества. По Аристотелю, добродетель – есть мера человечности, осуществление человеческого назначения, пространство человеческого развития, совершенная деятельность души индивида [21, с. 81–83]. Это специфическое человеческое качество, которого лишены животные и боги. Животные ниже добродетелей, боги выше их.

«Добродетель, – неоднократно подчеркивал мыслитель, – это способность поступать наилучшим образом во всем, что касается удовольствий и страданий, а порочность – это ее противоположность» [21, с. 81]. Причем «добродетели существуют в нас не от природы и не вопреки природе» [21, с. 76], они зависят от правильных суждений и имеют своим предметом природные наклонности. Вопрос о добродетели как совершенной деятельности души постепенно переходит в вопрос о совершенных отношениях между людьми. Добродетель разворачивается в отношениях граждан друг к другу, в пространстве между ними и способствует внутреннему порядку и счастливой жизни. Установленных правил нет в поступках и действиях. Добродетельность человека заменяет такие правила.

Государственный муж (*politikos*) как настоящий лидер должен обладать набором определенных добродетелей. Аристотель пишет, что, так как «в душе бывают три [вещи] – страсти, способности и устои, то добродетель, видимо, соотносится с одной из этих трех вещей. Страстями, или переживаниями, я называю влечение, гнев, страх, отвагу, злобу, радость, любовь (*philia*), ненависть, тоску, зависть, жалость – вообще [все], чему сопутствуют удовольствия или страдания. Способности – это то, благодаря чему мы считаемся подвластными этим страстям, благодаря чему нас можно, например, разгневать, заставить страдать или разжалобить. Нравственные устои, [или склад души], – это то, в силу чего мы хорошо или дурно владем [своими] страстями, например гневом: если [гневаемся] бурно или вяло, то владем дурно, если держимся середины, то хорошо. Точно так и со всеми остальными страстями» [21, с. 84].

Добродетельным лидером или государственным мужем (*politikos*), по мнению Аристотеля, «является тот, кто, во-первых, делает то, что правильно, и, во-вторых, избегает крайностей. Например, мужество (*andreia*) – это обладание серединой между страхом (*phobos*) и отвагой (*tharrhe*); названия для тех, у кого избыток бесстрашия (*aphobia*), нет (как и вообще многое не имеет имени), а кто излишне отважен – смельчак (*thrasys*) и кто излишне страшится и недостаточно отважен – трус (*deilos*)» [21, с. 88]. Нравственная добродетель состоит в обладании серединой и в каком смысле, и что это обладание серединой между двумя пороками, один из которых состоит в избытке, а другой – в недостатке, и что добродетель такова из-за достижения середины как в страстях, так и в поступках, – обо всем этом сказано достаточно [21, с. 88].

Вместе с тем встают вопросы: как найти необходимую середину для каждого из правителей? «Или, что то же самое, – спрашивает Аристотель, – как найти правильную меру наших чувств и действий? Для этого необходимо либо обладать практической мудростью, рассудительностью (*phronesis*), либо следовать примеру или наставлениям добродетельного человека [21, с. 176–177]. Практичность, рассудительность позволяют ориентироваться в обстановке и делать правильный выбор для достижения нравственной цели (блага): добродетель создает правильную цель, а рассудительность – средства к ней [21, с. 187–188].

В третьей книге «Никомахова этика» Аристотель характеризует пять разновидностей мужества, которыми должны обладать граждане, и прежде всего государственные мужи (*politikos*). Он дает определение понятию «мужество» – «это обладание серединой между страхом и отвагой. А страх мы испытываем, очевидно, потому, что нечто страшное [угрожает нам], а это, вообще говоря, зло. Именно поэтому страх определяют как ожидание зла. Конечно, мы страшимся всяких зол, например бесславия, бедности, неприязни, смерти, но мужественным человек считается применительно не ко всем этим вещам, ибо иного следует страшиться, и, если страшатся, скажем, бесславия, это прекрасно, а если нет, то постыдно, и, кто этого страшится, тот добрый и стыдливый, а кто не страшится – беззастенчивый. Некоторые называют последнего «мужественным» в переносном смысле, потому что он обладает чем-то похожим на мужество, ведь мужественный в каком-то смысле тоже бесстрашен. Наверное, не следует страшиться – ни бедности, ни болезней, ни вообще того, что бывает не от порочности и не зависит от самого человека. Но бесстрашие в этом – [еще] не мужество» [21, с. 108].

К первому виду мужества мыслитель относил гражданское мужество, которое «больше всего походит на собственно мужество» [21, с. 111], так как «оно происходит от добродетели, а именно: от стыда, от стремления к прекрасному, т. е. к чести...» [21, с. 108]. Если граждане проявляют смелость «по принуждению начальников», то их мужество не является подлинным. Оно по степени ниже, так как граждане «поступают так не от стыда, а от страха, избегая не позора, а страдания...» [21, с. 112].

Аристотель достаточно подробно проанализировал сущность остальных разновидностей мужества, а именно мужества опытных (военное мужество), мужества яростных, мужества самонадеянных и мужества не знающих страха. Определяя мужество в отношении к страданию, боли и удовольствию, Аристотель назвал мужественным того, кто стойко переносит страдания: данное мужество «сопряжено со страданиями, и ему по праву воздают хвалу; в самом деле переносить страдания тяжелей, чем воздерживаться от удовольствий» [21, с. 113].

По мнению Аристотеля, каждый правитель должен ставить благо сообщества в целом выше своего личного. Из двенадцати нравственных добродетелей, названных Аристотелем, для лидера особенно важны «мужество» (золотая середина между безрассудной отвагой и трусостью), «благоразумие» (середина между распушенностью и тем, что можно было бы назвать бесчувственностью), «достоинство» (середина между спесью, или амбициями, и приниженностью) и «правдивость» (середина между хвастовством и недосказанностью) [21].

Аристотель впервые в античной литературе поставил проблему возможности целенаправленного формирования личностных качеств граждан вообще, добродетели в частности.

Причем личностные характеристики формируются не только и не столько лично индивидом как разумным существом, а как государством на основе законов, норм и положений, вытекающих из разума и системы воспитания [21]. Полис формирует добродетель как важнейшее качество гражданина на основе внутренней природы и направленности к счастливой жизни, достижению которой способствуют знания и наука [21].

Таким образом, можно утверждать, что, согласно учению Аристотеля, общими чертами идеального правителя (*politikos*) являются высокие нравственные качества, идеалы и нормы, которые можно целенаправленно формировать; гражданские и человеческие добродетели, активная политическая деятельность на благо государства; умение подчиняться обществу, способность управлять своими согражданами на благо государства и общества.

Древнегреческий философ и политик *Плутарх* продолжил традицию Платона и Аристотеля, создавая идеальные образы творцов истории – героев и правителей, монархов и полководцев. По его мнению, история живет в лидерах, нравственные образцы которых остаются примером на все времена. Плутарх своих героев, их поступки расценивал прежде всего с моральной стороны. В работе «Сравнительные жизнеописания» Плутарх показывал жизнь героев и правителей государств, чей путь может быть нравственным примером для будущих поколений. Так, рассказывая об афинском Солоне, он пишет, что тот «шел впереди, а не его вели другие; он действовал один и большинство важнейших своих начинаний произвел без помощи других» [451]. Только восхищение вызывает в изложении Плутарха политическая карьера Цицерона, мудрость Перикла или храбрость Александра Македонского. Вот что писал Плутарх о предводителе гладиаторов Спартаке: «Фракиец, происходивший из племени медов, – человек, не только отличавшийся выдающейся отвагой и физической силой, но по уму и мягкости характера стоявший выше своего положения и вообще более походивший на эллина, чем можно было ожидать от человека его племени» [451].

По мере развития демократии в Древней Греции возникает принципиально новая модель политического лидерства, а вместе с ней и политического влияния. В стране появились новые органы целенаправленного воздействия на государственные дела – народные собрания, коллегии стратегов, гелиэя – высший судебный орган государства, суды различных инстанций, в работе которых стремились принимать участие все более или менее уважаемые и амбициозные политики. Верховным органом власти в Афинах стало народное собрание. Оно собиралось сначала десять, а позднее сорок раз в год. При особых обстоятельствах (неожиданное нападение врага, стихийное бедствие) могло быть созвано чрезвычайное «собрание ужаса и смятения». Компетенции народного собрания были обширными. Демократически ориентированные и харизматические политики получали популярность и известность прежде всего как члены народного собрания и искусные ораторы. Личностные качества и характеристики становятся непременным условием политического лидерства. Чтобы быть эффективным членом народного собрания, необходимо иметь такие личностные качества, как ораторское искусство и умение добиваться желаемых результатов. Именно так начинается карьера многих политиков, которые впоследствии стали лидерами Афин.

Уже в VI в. до н. э. демос – свободные граждане, имеющие гражданские права, но не принадлежащие к аристократии, – был настолько политически активен, что на политической арене сформировался совершенно новый тип политического лидера – простат демоса, возглавляющий партию демократической ориентации и имеющий самые широкие полномочия. Одним из наиболее известных простатов, по мнению многих исследователей, был афинский правитель Писистрат, который опирался на широкую поддержку беднейшей части афинского крестьянства, проживающего в гористых районах Аттики. Умный и красноречивый политик, он стал предводителем демократической части общества, победил аристократов, захватил Акрополь, а вместе с ним и верховную власть в Афинах и стал тираном [140; 518]. Причем дефиниция «тиран» вначале была лишена того отрицательного смысла, который приобрела к настоящему

времени. Тираном назывался единоличный правитель, пришедший к власти не легитимным путем. Тираны в Афинах противопоставлялись древним монархам – базилям, правившим на основании наследственного права или всенародного избрания. Часто в качестве тирана выступал представитель аристократической элиты, выражавший интересы демоса. Олигархи, являющиеся наиболее организованной и вместе с тем самой влиятельной и богатой частью греческого общества, представляли наибольшую опасность для единоличной власти тирана. В Древней Греции тиран Писистрат многое сделал для усиления влияния демоса и ограничения роли аристократии.

У тирана Писистрата, как утверждают некоторые исследователи, были качества, присущие настоящим лидерам: мужество и отвага, харизма победителя и властителя, жажда и умение властвовать, хватка и упорство, стойкость и чувство чести. Ему были присущи великодушные и основательность, ирония и самоирония, ответственность по отношению как к сообществу в целом, так и к составляющим его отдельным людям, мягкость и милосердие по отношению к побежденным, кодекс чести и этики, что делало его привлекательным в глазах демоса [139; 140; 518; 519].

В условиях формирования афинской демократии появились свои лидеры и у аристократических элит, предпочитавших действовать через гетерии – союзы знатных людей, созданные прежде всего для реализации политических задач. Только объединившись, они могли рассчитывать на какие-то существенные политические результаты и защиту от притязаний демоса. Отсутствие политического лидера, который играл в гетериях роль системообразующего, основополагающего начала, приводило к распылению сил аристократии, что в конечном счете вело к потере ее доминирующих позиций в афинском обществе. Особенно отчетливо это проявилось после реализации *реформ Клисфена*, которые ликвидировали в Афинах основы родового строя, уничтожили традиционные политические и религиозные отношения, существенно изменили положение афинской аристократии. Разрушив традиционные связи между аристократией, реформы создали существенные трудности для возрождения и консолидации высшего слоя афинского общества.

Для того чтобы предотвратить попытки аристократии реставрировать старые порядки, народные собрания получили право особой процедуры, получившей название *остракизма*. Ежегодно созывалось народное собрание, определявшее голосованием, кто из сограждан является наиболее опасным для афинского государства. Если такие лица назывались, собрание созывалось вторично и каждый его член писал на глиняном черепке – остраконе имя того человека, кто, по его мнению, был особо опасен для общества. Осужденный большинством голосов удалялся из Афин на 10 лет. Остракизм, являющийся важным инструментом политического контроля, был направлен вначале против родовой аристократии, затем активно использовался в борьбе между различными политическими партиями и группировками.

Политическим лидером аристократии в таких сложных условиях мог стать прежде всего глава или наиболее известный представитель аристократического семейства, древнего и влиятельного рода, имеющий определенные личностные качества и способный в наиболее трудные минуты защитить интересы клана. Именно такой человек мог создать и возглавить влиятельную политическую группу или партию. Так было с Фукидидом, сыном Мелесия, который, как пишет российский историк Игорь Суриков, «в молодости был известным атлетом-борцом. Занявшись политической деятельностью, он не блистал полководческим искусством, но зато проявил себя как неплохой оратор, а главное – как деятельный организатор, поставивший задачу сплотить разрозненных недоброжелателей Перикла» [519, с. 128]. Фукидид сплотил вокруг себя аристократическую группировку – гетерию и возглавил афинскую аристократию. Плутарх рассказывает об этом так: «Оставаясь в городе и ведя борьбу с Периклом, он (Фукидид) скоро восстановил равновесие между приверженцами различных взглядов. Он не дозволил так называемым прекрасным и доблестным (т. е. аристократам) рассеиваться и сме-

шиваться с народом, как прежде, когда блеск их значения затмевался толпою; он отделил их, собрал в одно место; их общая сила приобрела значительный вес и склонила чашу весов» [цит. по: 519, с. 128–129].

С середины IV в. до н. э. важнейшую роль в Элладе стало играть Македонское государство, образовавшееся на севере Балканского полуострова. На протяжении третьей четверти IV в. до н. э. Македония постепенно, то военным путем, то военно-политическим давлением (то используя сложные внутренние отношения среди греческих городов-государств) подчинила себе практически все полисы тогдашней Греции. В 338 г. до н. э. после победы над войсками коалиции Эллады при Херонее была признана политическая гегемония Македонии. В 331 г. до н. э. последней Македонии подчинилась Спарта.

Однако к началу II в. до н. э. кризисные явления в некогда сильном Македонском государстве сделали его легкой добычей Рима. Немногим более полувека спустя Рим распространил свою гегемонию и на всю Грецию. В 146 г. до н. э. римляне взяли Коринф, последний город в Элладе, поднявший восстание против римского владычества, и, разрушив его, всех жителей обратили в рабство. Эллада была превращена в римскую провинцию. Но вскоре все проблемы Эллады стали проблемами Рима. С конца II в. до н. э. Римская республика вступила в исторический период общественно-политических кризисов и военных конфликтов. Борьба за землю, которую постоянно вели беднейшие слои римской общины, приняла формы открытого конфликта плебейских магистратур с патрицианским Сенатом. Итогом нараставших социально-политических противоречий стало разделение римского полиса на партии оптиматов, выражавших интересы богатых и аристократических республиканских слоев, и популяров, объединивших недовольных членов римского общества из плебеев, новых легионеров и офицеров. В это время начинается состязание «сильных личностей» – начиная от братьев Гракхов до создателя системы принципата Октавиана Августа.

Утрата морально-нравственных ценностей, смена элит, борьба за политическую власть привели к отходу от традиционной системы управления государством и переходу к единоличному правлению. В связи с этим перед мыслителями встал серьезный вопрос, связанный с тем, как сохранить прежнюю сенатскую республику с гармонией трех системообразующих элементов: сената (аристократического элемента), консулов (монархического элемента) и комиций (народного элемента). Второй составляющей данной проблемы стало выявление и формирование личностных качеств политического субъекта, способного реализовать данную модель. В этой социально-политической ситуации государству и обществу потребовалось учение об идеальном гражданине, идеальном государственном устройстве и идеальном политическом лидере. Политическая мысль Рима начала его активно разрабатывать.

Римский исследователь *Гай Светоний Транквилл* попытался всю историю Рима рассматривать через жизнь наиболее известных римских полководцев, их подвиги и похождения. В Книге первой «Божественный Юлий» известного произведения «Жизнеописание двенадцати цезарей» Светоний пишет о Юлии Цезаре: «Вот что он совершил за девять лет своего командования. Всю Галлию, что лежит между Пиренейским хребтом, Альпами, Севеннами и реками Роданом и Рейном, более 3200 миль в охвате, он целиком, за исключением лишь союзных или оказавших Риму услуги племен, обратил в провинцию и наложил на нее 40 млн ежегодного налога. Первым из римлян он напал на зарейнских германцев и, наведя мост, нанес им тяжелые поражения. Он напал и на британцев, дотоле неизвестных, разбил их и потребовал с них выкупа и заложников» [105].

По утверждению историков, Гай Юлий Цезарь быстро победил своих противников в очередной гражданской войне. После череды побед он вступил в Рим. Светоний пишет об этом событии: «По окончании войны он отпраздновал пять триумфов: четыре за один месяц, но с промежутками – после победы над Сципионом и пятый – после победы над сыновьями Помпея. Первый и самый блистательный триумф был галльский, за ним – александрийский, затем

– понтийский, следующий – африканский и, наконец, – испанский: каждый со своей особой роскошью и убранством. Во время галльского триумфа на Велабре у него сломалась ось и он чуть не упал с колесницы; на Капитолий он вступил при огнях, сорок слонов с факелами шли справа и слева. В понтийском триумфе среди прочих предметов в процессии несли надпись из трех слов: «Пришел, увидел, победил», – этим он отмечал не события войны, как обычно, а быстроту ее завершения» [105]. В таком же духе – «Пришел, увидел, победил» – писал Светоний и о других античных героях.

Другой известный древнеримский историк *Гай Саллюстий Крисп* также достаточно много рассуждал о героях и политических лидерах, их личных достоинствах, умениях и качествах. С именем Саллюстия связывают два письма к Цезарю и «Декламацию против Цицерона», которые дошли до наших времен. В этих работах историк довольно рельефно изображал личности известных римских государственных деятелей и трибунов.

В своем первом письме историк пишет о том, кто и как должен руководить государством. «Я считаю, – пишет Саллюстий, – что тот, кто занимает в государстве более высокое и более блестящее по сравнению с другими положение, и должен проявлять наибольшую заботу о государственных делах» [103].

«Для всех остальных граждан, – утверждает мыслитель, – с благополучием государства связана их собственная свобода. Но не так обстоит с теми, кто доблестью создал себе богатства, почет, положение (*qui per virtutem sibi divitias, decus, honorem pepererunt*). Малейшее потрясение в государстве влечет для них множество забот и трудов, они должны поспевать всюду, дабы в любой момент встать на защиту своей чести, свободы, семьи. Так поступали предки (*maiores nostri*), у которых всегда была лишь одна цель – благо отечества, которые объединялись только против врагов (*factio contra hostes parabatur*) и использовали все свои дарования не для достижения личного могущества, но в интересах *res publica*» [103].

Саллюстий восхищался Цезарем как руководителем государства и политическим лидером, полководцем и триумвиром. В письме Цезарю приписываются такие личностные качества, как величие, высокий интеллект, живой и всеобъемлющий ум, присутствие духа как при удаче, так и в самых тяжелых ситуациях [103].

В более позднем письме Саллюстий существенно изменил свое отношение к Цезарю. Он призывает его не превращать во зло добытую им власть, воспользоваться ею для восстановления добрых нравов в Римском государстве. Потому это письмо начинается и заканчивается своеобразной *captatio benevolentiae*. Саллюстий всячески подчеркивает *bénéficia* Цезаря, его кротость во время войны, его отношение к побежденным соотечественникам [556, с. 209]. Саллюстий в данном письме просит Цезаря использовать власть, авторитет и влияние на благо народа, общества и государства, не прибегать к суровым приговорам и казням, проявить истинное милосердие и позаботиться о восстановлении нравственности молодого римского поколения.

Саллюстий, считал российский исследователь Сергей Утченко, выражая свои представления об идеальных правителях, попытался воплотить их обобщенные качества и черты в Цезаре. В «Письмах» это стремление имело вид предварительного наброска, но данная тема получает дальнейшее и наиболее полное развитие в «Заговоре Катилины», одном из типичных для Саллюстия отступлений, где мастерски построена модель идеального государственного деятеля [556, с. 208–212].

В данном исследовании дана яркая сравнительная характеристика Цезаря и Катона. Она тщательно продумана и построена оригинальным способом. Цезарь, по мнению Саллюстия, обладал следующими личностными качествами и добродетелями: благотворительностью и щедростью, милосердием и состраданием; прибежищем для несчастных и непрерывным трудом, защитой интересов друзей даже в ущерб собственным; стремлением к власти и руководством армией, к войне, где могла бы наиболее ярко проявиться его доблесть. Для Катона

характерны безупречность жизни, суровость, гибель для злодеев, постоянство, умеренность, нравственная чистота, соревнование не богатством с богатыми, не интригами с интриганам, но доблестью с храбрыми, умеренностью со скромными, воздержностью с бескорыстными. Это модель нравственного героя. В ней акценты сделаны на нравственное совершенство героя [556, с. 208–212]. Саллюстий делает вывод, что все успехи римлян – это результат целенаправленной деятельности отдельных особо выдающихся, уважаемых граждан Рима.

Древнеримский политик и философ, блестящий оратор *Марк Туллий Цицерон* создал более теоретически осмысленную, совершенную и обобщенную научную концепцию формирования идеальных государственных деятелей, правителей государств, политических лидеров. В согласии с традиционной римской точкой зрения («*римское государство сильно старинными нравами и мужами*») Цицерон считал, что своим процветанием государство всегда обязано взаимодействию именно этих двух факторов: нравов (*mores*) и мужей (*viri*) [556, с. 215].

В знаменитом трактате Цицерона «Об обязанностях» раскрыты добродетели, лежащие в основе нравственного поведения граждан, и обязанности, вытекающие из этих добродетелей. Цицерон создал модель идеального правителя (*rector rei publicae*), основываясь на синтезе стоических и римских качеств, и перенес акцент с познания, игравшего важнейшую роль для стоиков, на справедливость и благодеяние, наиболее важные в условиях острого кризиса власти [604].

Мыслитель в трактате «О государстве» устами главного участника диалога Сципиона анализирует власть правителя. Атрибуты, нравственные достоинства и добродетели, которые Цицерон приписывает первым римским правителям, перечислены на золотом щите (*clipeus aureus*), о котором упоминает Август. Это мужество (*virtus*), милосердие (*clementia*), справедливость (*iustitia*) и благочестие (*pietas*) [604].

В настоящее время имеется достаточно много точек зрения на понимание в работах Цицерона дефиниции *rector rei publicae* как идеального правителя. Внимательно изучив их, можно сделать вывод, что *rector rei publicae* представляет собой высшую форму жизнедеятельности идеального римского гражданина и правителя на благо общества и государства. Однако *rector* – это не каждый римский гражданин, а наилучшие (*optimus civis*) из них, только те, кто обладает необходимыми личностными качествами, способностями и опытом. Хотя не гражданам одинаковы, любой человек, на которого возложены обязанности правителя, должен, по мнению Цицерона, исполнять свой долг так хорошо, как он способен это сделать [603; 604].

Цицерон требует от идеального правителя прежде всего определенных нравственных и гражданских качеств, благоразумия, требует, чтобы в таком человеке разум торжествовал над низкими страстями. Если это необходимо каждому человеку, то правителю государства необходимо вдвойне. Цицерон считает, что у идеального правителя должны быть мужество и осмотрительность, воздержность и трудолюбие, без которых государь не может соответствовать своему высокому положению и поставленным обществом и народом задачам. Государственный деятель, по мнению Цицерона, – это не «монарх» и даже не «президент», а просто выдающийся муж, идеальный гражданин. Наконец, судя по высказываниям самого Цицерона, образ «ректора» мыслится им самим лишь как некая модель поведения, ее идеальный образ [556, с. 216–217].

Идеальный правитель и политический лидер, по Цицерону, – это идеальный гражданин и совершенный добродетельный человек, активно и умело выполняющий свои обязанности по отношению к государству и людям на основании закона, а не единоличный тиран и властитель, действующий в собственных интересах ради собственной выгоды [603; 604].

Падением Западной Римской империи в 476 г. завершился период истории Древнего мира. В странах Западной Европы постепенно начал складываться сословно-феодальный строй. Существенное влияние на политическую мысль Средневековья оказывали христианская религия и Римско-католическая церковь, организованная по принципам строгой иерархии.

Догмы Римско-католической церкви стали одновременно и политическими аксиомами. Церковные идеологи указывали на божественное происхождение власти, утверждали, что могущество государей происходит от церкви, а она получила свой авторитет непосредственно от Христа. Отсюда – обязанность государей подчиняться главе христианской церкви. Государь – слуга церкви. Появились теории, которые подтверждали данные догмы.

Созданные в античные времена традиции продолжали развиваться в исследованиях различных мыслителей Средних веков. Однако поиски места и роли государя, правителя, героя в общественной жизни проходили под существенным влиянием христианской церкви. Идея о влиянии сверхъестественных сил на жизнедеятельность великих личностей, идущая от древнегреческих мыслителей, развивалась на принципиально новом уровне. Причем она приняла форму идеи о том, что Бог продлевает жизнь «положительным» правителям (*Анна Комнина*) или сокращает ее «отрицательным» деятелям исторического процесса (*Лев Диакон*). Работа Анны Комниной «Алексиада» стала грандиозным описанием жизни ее отца, императора Алексея I Комнина [248; 309].

Некоторые средневековые мыслители продолжали рассматривать роль правителей или героев со светских позиций. *Прокопий Кесарийский* в своей работе «Тайная история» анализировал действия византийского императора Юстиниана, выявлял сходство и отличия его поступков от действий других правителей Римской империи [467].

Значительный вклад в развитие политической науки в Средние века внес один из выдающихся мыслителей и отцов католической церкви, причисленный ею к лику святых, *Августин Блаженный*. Основными его трудами являются трактаты «О граде Божьем», «О прекрасном и пригодном», «Против академиков», «О свободной воле», «Исповедь». Августин Блаженный был ярким противником инакомыслия и ересей. Он считал, что «лучше сжечь еретиков живьем, чем дать им коснеть в заблуждениях». Был убежден, что человеческая воля – это слепое орудие воли Бога [1; 2].

Августин резко противопоставлял церковь и государство. В своем главном труде «О граде Божьем» он развил концепцию теологического разграничения духовной (религиозной) и светской (государственной) власти. Первая представлена им в образе Града Божия, выражением которого является церковь, вторая – Града Земного. Основываясь на героическом пути Христа, Августин Блаженный предлагал новую модель героя, считая, что его основное предназначение заключается в жертвенности, а не в социальности, как Града Земного. Вместе с этим Аврелий отрицал полубожественное происхождение героев, которым наделяли их античные мыслители [1].

Другим выдающимся мыслителем Средневековья был доминиканский монах *Фома Аквинский*. Он был удостоен титула «Ангельский доктор», в 1323 г. причислен к лику святых, в 1567 г. признан «Общим учителем церкви». Основными работами являются книги «Философская сумма (об истинности католической веры против язычников)» и «Сумма теологии». Его учение выразило главный постулат средневекового политического мышления: все виды власти в конечном счете от Бога. Необходимость государства для Фомы Аквинского, как и для Аристотеля, вытекает из того, что человек по своей природе – общественное существо. Главная обязанность власти – содействовать общему благу, заботиться о сохранении мира и справедливости, о том, чтобы подданные вели добродетельный образ жизни. Фома Аквинский приспособил взгляды Аристотеля к догмам католической церкви, благословил строй общественного неравенства и эксплуатации. Он считал, что подняться выше своего сословия грешно, так как разделение на сословия установлено Богом [563].

Аврелий Августин Блаженный, Фома Аквинский и их последователи в своих теологических учениях создают принципиально новое представление образа лидера – духовного человека, наделенного божественными свойствами, высшего в ряду телесных созданий. Они привнесли в теорию о лидерах идею их богоизбранности в отличие от простых смертных. В

основе работ Августина Аврелия и Фомы Аквинского лежит понимание Бога как абсолютного, совершенного, наивысшего бытия, источника всей жизни и любого блага. Будучи сторонником монархии, Фома Аквинский считал государя не только правителем, но и творцом государства. Однако светской власти подчинены лишь тела людей, но не души. Верховная, всеобъемлющая власть принадлежит церкви. Папа Римский – наместник Христа, которому должны подчиняться все светские государи. Насколько Бог выше человека, настолько духовная власть выше власти земной. История творится Богом через действия правителей. Основой нравственности служит почитание и служение Богу, а подражание и уподобление ему считается высшей целью человеческой жизни [1; 2; 563].

В Средние века модель героя реализуется не только в рамках теологических концепций, но и как феномен, включенный в новую социальную систему – героя-рыцаря. Французский политик XIII в., один из руководителей Четвертого крестового похода *Жоффруа де Виллардуэн* в хронике «Завоевание Константинополя», которую часто называли героической поэмой в прозе, описывал подвиги крестоносцев, сражавшихся за Святую землю. Де Виллардуэн с восхищением описывал историю двухсотлетней борьбы за Иерусалим – главную святыню христианского мира. Он показывал мужественных рыцарей, которые оставляли свои дома, семьи и страны, отправлялись на священную войну с врагами христианской веры и совершали настоящие подвиги [92].

Для более глубокого понимания модели рыцаря-героя интерес представляют работы Жюста Жана Руа «История рыцарства» [488] и Франко Кардини «Истоки средневекового рыцарства» [220].

Следует особо подчеркнуть, что роль правителей и героев осмысливалась в Средние века и с теоретических позиций. Готский историк Иордан в работе «О происхождении и деяниях гетов» выдвинул интересную гипотезу о том, что действия правителей выступают главной причиной исторических событий [205].

Модель средневекового героя создавалась с учетом амбивалентности общества, наличия светских и церковных структур и взглядов. С одной стороны, герой – это святой, для которого сохраняются функции посредничества между миром Божественным и земной жизнью. С другой стороны, герой – это рыцарь, который обладает определенными личностными качествами, добродетелями, храбростью, «безумной звериной волей», направленными на священную войну с врагами христианской веры.

Возрождение – новый этап в развитии социально-политической мысли в Западной Европе, начавшийся в XV в. разложением феодализма и возникновением в его недрах капиталистических отношений. Радикальные экономические, технические и научные изменения, первоначальное накопление капитала, рост буржуазии и зарождение пролетариата обострили общественные отношения и способствовали изменению взглядов на мир и человека. В это время происходило возрождение интереса к античной культуре и философии, литературе и изобразительному искусству.

Существенно изменилось и отношение к человеку. В традиционном христианском понимании человек – это лишь греховное существо, обязанное своей земной жизнью доказывать право на вечную, но не материальную, а духовную жизнь. Поэтому он должен постоянно преодолевать собственную материальную природу, являющуюся источником греха, а свои помыслы посвящать любви к Богу. В это время понадобились сильные личности, настоящие лидеры.

Выдающиеся деятели этой эпохи – английский философ и политический деятель Томас Мор, нидерландский мыслитель Дезидерий Эразм Роттердамский, французский писатель Франсуа Рабле, итальянский мыслитель и астроном Джордано Бруно, итальянский философ Джованни Пико делла Мирандола стали идеологами новой эпохи, критиковали средневековую схоластику и выступали за грандиозные общественные инновации. В знаменитой

работе Томаса Мора «Утопия» формулируется общественно-политический идеал новой эпохи – модель идеального государства. В основе этой модели лежит не только отрицание частной собственности и признание собственности общественной, но и религия «почитания Божественной природы» с верховным единым богом Митрой, наделенным идеальными личностными качествами.

Эпоха Возрождения потребовала и принципиально новой концепции политического лидерства. Модель лидера нового типа была предложена в политико-философских концепциях Никколо Макиавелли, Эразма Роттердамского, французского философа Мишеля де Монтеня, итальянского философа Джордано Бруно и некоторых других мыслителей.

Никколо Макиавелли – выдающийся итальянский политический мыслитель, писатель, историк, военный теоретик. В течение 14 лет он был секретарем правительства флорентийской республики. После свержения республиканского строя во Флоренции Макиавелли был арестован по подозрению в участии в заговоре. Политический опыт, а также труды античных мыслителей послужили основой для разработки им новой концепции политического лидерства, изложенной в работах «Государь», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» и «История Флоренции». Главным отличием исследований Макиавелли от других мыслителей эпохи Возрождения являлось то, что он в своих исследованиях руководствовался не абстрактными идеями добра, зла и Бога, а категориями реальной политической жизни, принципами пользы и целесообразности [336; 337].

Во времена Макиавелли Италия была раздроблена на несколько враждующих между собой небольших государств, подвергалась постоянным разрушительным нашествиям соседей, а религиозное сознание находилось в перманентном кризисе. «Дабы обнаружила себя доблесть итальянского духа, – отмечал мыслитель, – Италии надлежало дойти до нынешнего ее позора: до большего рабства, чем евреи; до большего унижения, чем персы; до большего разобщения, чем афиняне: нет в ней ни главы, ни порядка; она разгромлена, разорена, истерзана, растоптана, повержена в прах» [337, с. 78].

Являясь патриотом своей Родины, Макиавелли отвергал средневековую теологическую концепцию и противопоставлял ей модель сильного светского государства, отделив правовые установки от предписаний религии. При этом мыслитель в работе «Государь» предлагает принципиально новое политическое устройство государства. Этот феномен должен возглавлять политик новой формации, мыслитель, существенно отличающийся от королей того времени. Его Макиавелли назвал «*princeps*». На русский язык понятие «*princeps*» можно переводить как государь или князь, но это не совсем точный перевод. «*Princeps*» (от лат. *primus* – первый, *capio* – захватить) – первый, кто захватил политическую власть. Данная дефиниция полностью отвечала республиканским представлениям Н. Макиавелли и обозначала «первого гражданина Римского государства». Данный термин, имевший широкое хождение в I–III вв., наполнился новым содержанием при императоре Августе, который наделил монархического по своему духу и смыслу правителя определенными республиканскими полномочиями и смыслами. Тем более, что лучшей формой государства Н. Макиавелли считал республику.

Стратегическая цель политика и философа Макиавелли – спасение Италии через ее объединение. В своем главном труде «Государь» он показывал, что только при сильном правителе можно создать независимое итальянское государство, способное освободиться от чужеземных захватчиков. Италия ждала своего героя. «Не могу выразить словами, – обращался Макиавелли к Лоренцо Медичи, – с какой любовью приняли бы его жители, пострадавшие от иноземных вторжений, с какой жадной мщением, с какой непоколебимой верой, с какими слезами! Какие бы двери закрылись бы перед ним? Кто отказал бы ему в повиновении? Чья зависть преградила бы ему путь? Какой итальянец не воздал бы ему почестей? Каждый ощущает, как смердит господство варваров. Так пусть же ваш славный дом примет на себя этот долг с тем

мужеством и той надеждой, с какой вершатся правые дела, дабы под сенью его знамени возвеличилось наше отечество и под его водительством сбылось сказанное Петраркой:

Доблесть ополчится на неистовство,
И краток будет бой,
Ибо не умерла еще доблесть
В итальянском сердце» [337, с. 79].

Таким правителем для Макиавелли был человек хладнокровный и целеустремленный, расчетливый и жестокий, с несгибаемой волей и силой, талантом и умом, хитростью и даже коварством. Выступая как частное лицо, государь должен руководствоваться общепринятыми нормами поведения, но он может не считаться с требованиями морали, если его действия и поступки детерминированы заботой о процветании и могуществе государства. Во имя государственного блага можно оправдать любые действия. «Цель оправдывает средства», – постоянно утверждал Макиавелли. Для достижения высоких политических целей возможно использование различных, в том числе самых аморальных, средств – подкупа и насилия, обмана и предательства, шантажа и убийства. «Существуют всего два способа достижения цели: путь закона и путь насилия. От правителя не требуется выбирать одно из двух, он должен уметь пользоваться обоими способами... Разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание, – писал политик. – Когда речь идет о спасении родины, не следует принимать во внимание никакие соображения о том, что справедливо и что не справедливо, что милосердно и что жестоко, что похвально и что позорно, но необходимо, забыв обо всем прочем, действовать так, чтобы спасти ее существование, ее свободу» [337, с. 54].

Выдающийся мыслитель в исследовании «Государь» создал оригинальную модель политического лидерства. Правитель «нового типа» не должен быть связан никакими априорными схемами и правовыми предписаниями, религией или собственным словом. Он не может и не должен оставаться верным своим словам, если это вредит его интересам и интересам государства. Новый правитель должен руководствоваться строго анализированными фактами, может быть беспощадным и хитрым. В понимании Макиавелли, лидер – это государь, который с помощью различных средств – жестокости и обмана, демагогии и справедливости, силы и хитрости – обеспечивает сохранение, укрепление и расширение своей власти, поддерживает общественный порядок и решает поставленные жизнью политические задачи. Макиавелли создал образ государя, для которого личная власть – это лишь средство для достижения определенной политической цели, в данном случае – объединения и усиления итальянского государства. Он был убежден, что государь становится великим только тогда, когда способен преодолеть все трудности и невзгоды. Он особо подчеркивал, что победителей не судят. Наказывают за мелкие ошибки, а за крупные промахи, которые приводят к победам, награждают.

Каким должен быть мудрый государь нового типа, какими личностными качествами он должен обладать? Великий мыслитель утверждал, что правители – это живые люди. У каждого из них есть и положительные, и отрицательные личностные качества. Один из них щедр, другой – скуп. Жадный, – отмечал Макиавелли, – это тот, «кто хочет отнять чужое, а скупым мы называем того, кто слишком держится за свое – один расточителен, другой алчен; один жесток, другой сострадателен; один честен, другой вероломен; один изнежен и малодушен, другой тверд духом и смел; этот снисходителен, тот надменен; этот распутен, тот целомудрен; этот лукав, тот прямодушен; этот упрям, тот покладист; этот легкомыслен, тот степенен; этот набожен, тот нечестив и так далее. Что может быть похвальнее для государя, нежели соединять в себе все лучшие из перечисленных качеств? Но раз в силу своей природы человек не может ни иметь одни добродетели, ни неуклонно им следовать, то благоразумному государю следует избегать

тех пороков, которые могут лишить его государства, от остальных же воздерживаться по мере сил, но не более. И даже пусть государи не боятся навлечь на себя обвинения в тех пороках, без которых трудно удержаться у власти, ибо, вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность» [337, с. 46].

Однако в постоянной борьбе за власть ничего не поможет политику, если он не обладает доблестью. Новые государи – это те, кто приобрел власть «не милостью судьбы, а личной доблестью». Среди них Моисей, Кир, Тезей. «Каждому из этих людей выпал счастливый случай, но только их выдающаяся доблесть позволила им раскрыть смысл случая, благодаря чему отечества их прославились и обрели счастье» [337, с. 17].

В главе «О том, как государи должны держать слово» Макиавелли особо подчеркивал, что государи должны быть «само милосердие, верность, прямодушие, человечность и благочестие, особенно благочестие» [337, с. 53]. Однако в случае необходимости они должны уметь отступать от добра, вернее, от того, что считают добром – обыденной морали. «Вдумавшись, – отмечал Н. Макиавелли, – мы найдем немало того, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя, и наоборот: выглядит как порок, а на деле доставляет государю благополучие и безопасность» [337, с. 46]. В случае конфликта между обыденными моральными ценностями и общественным благом надо руководствоваться последним, так как в душе правитель «всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны, т. е. ... по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и злом» [337, с. 53].

Политическую борьбу, по мнению мыслителя, можно вести двумя методами – с помощью закона или силы. Законы обычно использует человек, а силой борется зверь, однако закона очень часто явно не хватает, чтобы победить врага, поэтому нужно применять и силу. Новый государь, – считает Н. Макиавелли, – должен быть подобен и зверю, и человеку. «Из всех зверей пусть государь уподобится двум: льву и лисе. Лев боится капканов, а лиса – волков, следовательно, надо быть подобным лисе, чтобы уметь обойти капканы, и льву, чтобы отпугнуть волков. Тот, кто всегда подобен льву, может не заметить капкана» [337, с. 52]. Если государь является прирожденным львом, то он должен приобрести качества лисицы, если же он по природе лиса, то ему следует притвориться львом. При этом лучше все же быть напористым, чем осмотнительным.

В основе поведения людей, по Макиавелли, лежат два важнейших мотива – *страх и любовь*. Но что лучше: чтобы государя его подданные любили или боялись? Макиавелли отвечает на этот сложный вопрос следующим образом: «Говорят, что лучше всего, когда бояться и любят одновременно; однако любовь плохо уживается со страхом, поэтому если уж приходится выбирать, то надежнее выбрать страх. Ибо дружбу, которая дается за деньги, а не приобретается величием и благородством души, можно купить, но нельзя удержать, чтобы воспользоваться ею в трудное время. Кроме того, люди меньше остерегаются обидеть того, кто внушает им любовь, нежели того, кто внушает им страх, ибо любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно» [337, с. 50].

Подводя итоги спора, что лучше, чтобы государя любили или чтобы боялись, Макиавелли пишет, «что любят государей по собственному усмотрению, а боятся – по усмотрению государей, поэтому мудрому правителю лучше рассчитывать на то, что зависит от него, а не от кого-то другого; важно лишь ни в коем случае не навлекать на себя ненависти подданных» [337, с. 50].

Но надо действовать так, чтобы страх не перерос в ненависть, иначе возмущенные подданные могут правителя свергнуть. Для того, чтобы этого не произошло, он должен не посягать на имущественные и личные права граждан. «Государь должен следить за тем, – подчеркивал мыслитель, – чтобы не совершить ничего, что могло бы вызвать ненависть или презрение под-

данных. Ненависть государи возбуждают хищничеством и посягательством на добро и женщин своих подданных. Ибо большая часть людей довольна жизнью, пока не задеты их честь или имущество; так что недовольным может оказаться лишь небольшое число честолюбцев, на которых нетрудно найти управу. Презрение государи возбуждают непостоянством, легкомыслием, изнеженностью, малодушием и нерешительностью. Этих качеств надо остерегаться как огня, стараясь, напротив, в каждом действии являть великодушие, бесстрашие, основательность и твердость» [337, с. 54–55].

Кроме страха и любви, поведением людей правит *честолюбие*. Оно присуще каждому человеку. Государю важно знать, кто именно более честолюбив и потому опаснее для него, как правителя: желающий сохранить то, что имеет, или стремящийся приобрести то, чего у него нет. Состоятельными людьми двигает страх потерять то, что они накопили, а бедные жаждут приобретения того, что есть у богатых. Оба мотива к власти, по мнению Макиавелли, одинаково порочны. И богатые, имеющие в своем распоряжении рычаги власти, и бедные, стремящиеся завоевать эту власть, в принципе ведут себя одинаково.

Каким должен быть мудрый государь – щедрым или бережливым? На этот достаточно амбивалентный вопрос трудно найти правильный ответ. Н. Макиавелли в главе «О щедрости и бережливости» попытался это сделать: «Хорошо иметь славу щедрого государя. Тем не менее тот, кто проявляет щедрость, чтобы слыть щедрым, вредит самому себе» [337, с. 47]. Мыслитель утверждал, что «если проявлять ее разумно и должным образом, о ней не узнают, а тебя все равно обвинят в скупости, поэтому, чтобы, распространить среди людей славу о своей щедрости, ты должен будешь изощряться в великолепных затеях, но, поступая таким образом, ты истощишь казну, после чего, не желая расставаться со славой щедрого правителя, вынужден будешь сверх меры обременить народ податями и прибегнуть к неблагоприятным способам изыскания денег. Всем этим ты постепенно возбудишь ненависть подданных, а со временем, когда обеднеешь, – то и презрение. И после того, как многих разоришь своей щедростью и немногих облагодетельствуешь, первое же затруднение обернется для тебя бедствием, первая же опасность – крушением. Но если ты вовремя одумаешься и захочешь поправить дело, тебя тотчас же обвинят в скупости» [337, с. 47].

Мудрый государь должен выступать как опекун народа, защищающий его от произвола чиновников, обеспечивать подданным внешнюю и внутреннюю безопасность. Причем государь должен заботиться о том, чтобы подданные воспринимали его действия как благодеяния. В отличие от обид, которые следует наносить сразу, благодеяния надо осуществлять малыми дозами, чтобы они длились дольше и вызывали большую благодарность и любовь к правителю. Хвост собаке лучше отрубать сразу, а не по частям, – подчеркивал мыслитель.

Макиавелли крайне негативно относился к народу как носителю и потенциальному источнику верховной власти. Он считал, что люди неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива. В «Государе» он писал, что «пока ты делаешь добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не щадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернутся. И худо придется тому государю, который, доверяясь их посулам, не примет никаких мер на случай опасности» [337, с. 50]. Человек, по мнению мыслителя, – это бесконечное сочетание добра и зла, и зло столь же присуще человеческой природе, как и добро.

Н. Макиавелли так и не увидел Родину независимой и единой, сильной и процветающей. Объединение Италии произошло лишь в середине XIX в. Тем не менее великий мыслитель отразил в своих трудах, прежде всего в «Государе», основную тенденцию общеевропейского политического развития того времени, заключавшуюся в процессе образования единых национальных государств. А они, действительно, создавались при помощи силы и хитрости. Мелкие суверены уничтожались, из всех претендентов власть должен был захватить один-

единственный претендент – новый государь, обладающий определенными личностными качествами, умеющий строить взаимоотношения со своим народом, отражать его интересы.

Современные исследователи выделяют шесть важнейших принципов Макиавелли, которые оказали существенное влияние на дальнейшее развитие теории политического лидерства:

- 1) государь должен обладать набором личностных качеств и характеристик, позволяющих ему эффективно выполнять властные функции;
- 2) взаимоотношения государя и сторонников / противников должны строиться на определенных, заранее разработанных принципах;
- 3) на авторитет государя существенное влияние оказывает поддержка народа;
- 4) сторонники и противники должны четко знать, что они могут ожидать от государя, и понимать, что он хочет от них;
- 5) государь должен обладать политической волей к принятию важных и не всегда популярных решений;
- 6) государь – всегда образец мудрости и справедливости для своих последователей и сторонников [131; 132; 261; 272].

Выдающийся мыслитель и философ, писатель и ученый *Дезидерий Эразм Роттердамский* был своего рода символом эпохи Возрождения. Еще при жизни он был назван «королем гуманистов», стал общеевропейским лидером гуманистического движения и неоспоримым «властителем дум» прогрессивно настроенной европейской интеллигенции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.